

ЭНДРЮ УОЛДЕР

СОВРЕМЕННОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ

КИТАЙ ПРИ МАО

Революция, пущенная
под откос

«Современное востоковедение» / «Modern Oriental Studies»

Эндрю Уолдер

**Китай при Мао. Революция,
пущенная под откос**

«Библиороссика»

2015

УДК 94(510).093
ББК 63.3(5Кит)63

Уолдер Э.

Китай при Мао. Революция, пущенная под откос / Э. Уолдер —
«Библиороссика», 2015 — («Современное востоковедение» /
«Modern Oriental Studies»)

ISBN 978-5-907532-48-9

В книге Эндрю Уолдера рассказывается о взлете и падении маоистского революционного государства с 1949 по 1976 год — эпохе поразительных достижений и катастрофических провалов. Китай при Мао, утверждает Уолдер, отличался двумя институтами, созданными в течение первого десятилетия правления коммунистической партии: партийным аппаратом, который осуществлял твердый (иногда жесткий) контроль над своими кадрами, и социалистической экономикой, построенной по образцу Советского Союза. Хотя надзор за этой авторитарной системой осуществляла национальная бюрократия, Мао решительно вмешивался в него на каждом шагу. Ошибочно диагностируя болезнь Китая как капиталистическую реставрацию и прописывая в качестве решения продолжение классовой борьбы с воображаемыми врагами, Мао разрушил многое из того, что построил, и в итоге не дал разрушенному никакой жизнеспособной альтернативы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510).093
ББК 63.3(5Кит)63

ISBN 978-5-907532-48-9

© Уолдер Э., 2015
© Библиороссика, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эндрю Уолдер Китай при Мао

Революция, пущенная под откос

Andrew Walder
CHINA UNDER MAO
A REVOLUTION DERAILED

Перевод с английского Кирилла Батыгина
Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

© Andrew Walder, text, 2015
© Harvard University Press, 2017
© К. Батыгин, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

* * *

Памяти Ричарда Пфеффера (1937–2002)

Предисловие

Первые 25 лет правления коммунистов в Китае были отмечены драматичными и страшными событиями, оказавшимися выражением максимализма политического режима, которому было предопределено сформировать значимую эпоху в истории мировой революции. Эта эпоха несет на себе очевидный отпечаток личности Мао Цзэдуна, который являлся столь же мощной доминантой своего времени, как и все лидеры современной истории. Последние публикации, базирующиеся на новых источниках, выявили неоднозначные взаимоотношения и разногласия в китайском руководстве, неизменно возглавлявшемся Мао. Принимаемые в таких условиях решения высокопоставленных лиц часто оборачивались трагическими для народа Китая событиями. В моей работе я обращаюсь к указанным исследованиям, однако в первую очередь предполагаю рассмотреть последствия предшествующих решений тех же руководителей, которым ранее при изучении эпохи Мао не уделялось внимание. Именно эти решения сформировали структуры, с помощью которых революционные лидеры Китая стремились внедрить среди своих подчиненных дисциплину и обеспечивать исполнение своих директив. Именно в ходе воплощения этих решений были учреждены организации, которые стали центральным элементом нового революционного государства.

Ключевую роль в этом сыграли две организации. Во-первых, аппарат Коммунистической партии Китая¹, который обеспечивал жесткий и порой жестокий контроль за членами партии и в особенности за ее руководителями – так называемыми «кадрами». Во-вторых, позаимствованная у СССР модель социалистической экономики, которая принесла многим последовавшим ей странам существенные проблемы. Лидеры Китая и, в частности, сам Мао Цзэдун издавали в Пекине директивы, которые распространялись по всем этим политическим и экономическим структурам, приводя как к ожидаемым поразительным достижениям, так и к чудовищным последствиям, которых никто не предполагал и не хотел. В работе над этой книгой я руководствуюсь убеждением, что для понимания того, почему решения китайского руководства и в особенности инициативы самого Мао завершились с соответствующими результатами, мы должны осознавать, насколько трансформировались социальные, экономические и политические институты Китая в 1950-х гг. Эти преобразованные структуры мешали реализации планов Мао и других лидеров и зачастую приводили к катастрофическим результатам. Хотя моя книга и позиционируется как историческая хроника, я подхожу к моему повествованию в первую очередь с точки зрения социологии.

В рассматриваемый период истории Китая решения руководства были воплощены в жизнь через особую форму политической организации, через специфический общественно-экономический строй. Указания сверху пропускались через огромный общенациональный бюрократический аппарат и новые социальные структуры и доходили до низов в самом неожиданном виде, рассеивая, искажая или преувеличивая собственное содержание. Сущностная централизованность и дисциплинированность партийного государства, придававшие строю воображаемую мощь, порождали и его крайне необычные недостатки. Практически ни одна из инициатив Мао не привела к результатам, которые в полной мере ожидали, предвидели или приветствовали лично Мао и его сторонники. Более того, как мы увидим далее, большинство инициатив Мао обернулись против Китая. Почему?

В тот период времени КНР была организованным необычным образом обществом, которое отличалось не только от нашего общества, но и значительно разнилось, по итогам первого десятилетия верховенства коммунистов, с прошлым Китая. Чтобы понять, почему так много китайских граждан принимали активное участие в кампаниях и конфликтах того времени, нам

---

¹ В дальнейшем сокращается до аббревиатуры «КПК». – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

необходимо осознать социальные и организационные условия, в которых жили и работали как официальные лица, так и рядовые граждане. Изучение этих условий тем более важно в наши дни, когда обстоятельства прошлого размылись под напором мощных волн динамичной рыночной экономики, встроеной в мировой капитализм. Моя цель – показать, что события эпохи Мао отражали специфику институтов, сформировавшихся в первое десятилетие правления КПК. Историю эпохи Мао я представляю, постоянно держа в уме эти институты.

Когда в 1973 г. на 3-м курсе бакалавриата в Университете Джонса Хопкинса я записался на мой первый курс занятий по современному Китаю, тема, которой посвящена настоящая книга, была все еще малоизученной и сводилась к спекуляциям по поводу совсем недавних событий в закрытом и изолированном обществе. Когда в качестве преподавателя Колумбийского университета в 1983 г. я начал вести мой собственный первый курс, то назвал его «постреволюционное общество Китая», подразумевая то новое общество, которое было сформировано после Революции 1949 г. и прихода КПК к власти. В наши дни, когда после кончины Мао прошло несколько десятилетий, большая часть социальных и экономических структур того периода исчезла после множества раундов экономических реформ. При этом значительная часть прежних политических структур сохранилась вплоть до настоящего времени.

Охватывая взглядом прошлое, мы ясно видим, что 1949 г. был лишь началом, а не концом Китайской революции. В эпохе Мао было не меньше революционного, чем в ее прелюдии – партизанском движении и гражданской войне.

В настоящей книге представлена постепенно сформировавшаяся на протяжении 30 с лишним лет исследований и преподавательской деятельности точка зрения на маоистский Китай. Эта хроника – выборочный нарратив социолога, глубоко заинтересованного в изучении политики и экономики, в особенности – основ политической власти, социалистической модели развития, социального неравенства, политических конфликтов и народного протеста. Вне сомнений, есть и другие обоснованные подходы к повествованию об истории Китая при Мао Цзэдуне. Однако они отличны от моего подхода.

Мои предшествующие работы о Китае писались для специальной аудитории – преподавателей академических кругов. В публикациях такого рода акцент делается на концептуальные основы, новые источники и исходные материалы доказательной базы, а также на методику анализа. Такие академические работы основываются на критическом осмыслении альтернативных подходов. К сожалению, для чтения кем-либо за пределами небольшого сообщества экспертов эти произведения в конечном счете оказываются несколько скучными. Настоящая книга в значительной мере основывается на моих собственных исследованиях и многих годах чтения работ моих талантливых коллег, однако она не предназначена исключительно для специалистов. В этом издании я предпринимаю попытку представить все, что мне известно о рассматриваемом периоде истории Китая, таким образом, чтобы одновременно заинтересовать моих коллег-ученых и студентов и предложить текст, доступный и понятный любому читателю.

Я нахожусь в интеллектуальном долгу перед огромным множеством людей и организаций. Полностью перечислить их на этих страницах представляется невозможным. Особенно стоит отметить области исследований вне круга моих собственных изысканий, когда я был вынужден в значительной мере опираться на произведения и результаты научных трудов коллег. Я постарался четко обозначить тех, кому я более всего обязан, прежде всего, через ссылки на их работы. Неоднократные ссылки на одних и тех же авторов показывают, что именно перед ними я в наибольшем долгу. Я благодарен Томасу Бернстайну, Джин Ой, Дуайту Перкинсу и Майклу Шенхальсу за их комментарии ко всему тексту или к отдельным частям первоначального варианта этой книги. Я также хотел бы отметить вклад Дун Гоцяна – моего коллеги и соавтора, профессора кафедры истории Нанкинского университета. В главах, посвященных «культурной революции», я обращаюсь к нашим совместным публикациям. Сотрудник Центра китайских исследований имени Фэрбэнка при Гарвардском университете Нэнси Херст помогла

мне подготовить окончательную редакцию текста, которая была передана в издательство. Уже почти два десятилетия Стэнфордский университет является для меня идеальным интеллектуальным пристанищем. В особенности я хотел бы отметить большую поддержку, которую оказали моему исследованию Институт международных исследований имени Фримана и Спогли, Школа гуманитарных наук и Центр исследований в области Азиатско-Тихоокеанского региона имени Шоренштейна при Стэнфордском университете. Стэнфордский центр при Пекинском университете оказал мне содействие на заключительных этапах сбора информации и написания настоящей книги, а также стал вдохновляющей площадкой для подготовки черновых версий многих из ее глав. Я также хотел бы поблагодарить Майкла Аронсона, редактора Harvard University Press, за поддержку и продвижение проекта, который столь разительно отличался от всех моих ранних начинаний.

Эта книга – конечная точка приключения, начало которому было положено в сентябре 1973 г. в Балтиморе, в обычной аудитории, на занятиях по курсу «Правительство и политика Китая», который вел Ричард Пфеффер, научный руководитель в бакалавриате. Рик был убежденным противником войн и специалистом по Китаю. Он был в числе людей, которые в тот момент только что посетили КНР в составе одной из первых американских делегаций. Его интриговала текущая «культурная революция», однако он слишком хорошо понимал, что за ней скрывались злоупотребление властью со стороны революционных организаций по контролю дисциплины и трудноразрешимая проблема бюрократической диктатуры при социализме. Рик был увлеченным и требовательным учителем, который настаивал на том, чтобы его студенты критически переосмысливали все идеи, в особенности их собственные. Добивался он этого через, казалось, не знавшее пределов внимание к студенческим эссе, в которых он безжалостно обличал ленивые риторические уловки и логические нестыковки. Разгромные отзывы сопровождались множеством беспощадных замечаний на полях. При этом Рик был благосклонным и заботливым научным руководителем, в особенности когда студент наконец-то объяснял ему, с чем к нему пришел. Вплоть до того семестра я не находил в вузовских занятиях особого вдохновения. Однако после курса Рика все встало на свои места. Его стиль преподавания изменил направление моей жизни. Рик преподнес мне бесценный дар, за который я навсегда останусь перед ним в неоплатном долгу. Эту книгу я посвящаю его памяти.

Глава 1

Прощание

Пекин. 18 сентября 1976 г. 15:00. На центральной площади Тяньаньмэнь выстроились ряды одетых в форменную одежду рабочих и военных. Присутствующие стоят, молча склонив головы. По всему Китаю – на площадях, в деревнях, на заводах, в школах и в служебных кабинетах огромной страны – проходит торжественная церемония прощания с национальным лидером. Народ КНР – почти один миллиард человек – чтит память Мао Цзэдуна, который скончался девятью днями ранее в возрасте 82 лет. Все стоят с опущенными головами и, как было заранее предписано, хранят скорбное молчание в течение трех минут. Сравнительно малоизвестный Хуа Гофэн – назначенный преемник Мао – зачитывает речь, переполненную хвалебной риторикой в адрес почившего председателя КНР. Мао Цзэдун возглавлял Коммунистическую партию Китая с начала 1930-х гг. и занимал доминирующее положение на всех направлениях государственной политики КНР с самого момента образования этого государства в 1949 г. Все партийное руководство вышло на площадь, демонстрируя свое единство перед лицом невосполнимой утраты.

Иллюзия этого единства рассеивается уже 6 октября. Заручившись поддержкой ряда высокопоставленных официальных лиц, Хуа Гофэн выступает с критикой ярких поборников курса Мао и приказывает взять под стражу главных политических союзников уснувшего вечным сном председателя. Супруга Мао, Цзян Цин, была арестована прямо в своей резиденции. Еще три человека – Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань – вызваны на совещание руководящих кадров. По прибытии на место проведения мероприятия каждый из них, к своему удивлению, оказался взят под стражу вооруженными охранниками. Вышеназванная четверка руководителей выполняла приказы Мао во времена «культурной революции» – масштабной кампании против государственной системы во главе с КПК, в результате которой были подорваны как правительственная политика, так и основы экономики Китая, а также были преданы мучениям и убиты миллионы людей. На момент задержания названные четыре человека составляли 25 % состава Политбюро ЦК КПК – руководящего органа партии в составе 16 человек. Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо были членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занимая соответственно второе и четвертое положение в этой структуре. Вскоре арестованных окрестят «бандой четырех» и обвинят в контрреволюционной деятельности. На самом деле их вина состояла в том, что на протяжении последних десяти лет жизни Мао они выполняли его приказы. Оставаясь символом легитимности революции, Мао Цзэдун будет продолжать удостаиваться посмертных восхвалений. Однако в действительности описанные события представляли собой государственный переворот, подрывающий устои политического наследия первого председателя КНР. Ведь именно он был главарем «банды четырех». Просто никто не говорил об этом вслух.

Перенесемся на 27 лет в прошлое. На дворе – 1 октября 1949 г. Мы вновь на площади Тяньаньмэнь. Обращаясь к огромной толпе людей, 55-летний Мао Цзэдун провозглашает образование Китайской Народной Республики. Этот момент обещает положить конец столетию, которое ознаменовалось для Китая экономическим и политическим упадком, вмешательством со стороны колониальных держав, иностранным вторжением и гражданской войной.

В течение большей части первой половины XX в. Китай представлял собой несостоявшееся государство, обломки безуспешной попытки создать конституционную республику [Nathan 1983; Wilbur 1983], а в течение большей части второй половины XIX в. – потерпевшую крах многонациональную страну. Существовавшая с 1644 г. империя Цин – последняя

династия Китая, «маньчжурская»², – достигла пика своего расцвета в XVIII в. К концу же XIX в. страна, терзаемая восстаниями изнутри и претензиями колониальных держав извне [Kuhn 1980; Rowe 2009: 149–296], переживала период затянувшегося упадка. 1949 г. оказался исторически важен не как момент триумфа пролетариата над буржуазией или момент победы коммунизма над капитализмом. Слова Мао о провозглашении Народной Республики сулили формирование нового, более могущественного китайского государства, которое могло бы противостоять общемировой политической конкуренции и посягательствам со стороны иных крупных держав.

Впервые за 100 с лишним лет можно было говорить о китайском государстве, которое могло эффективно контролировать свою территорию, полноценно защищенную безопасными границами, а равно и было способно положить конец отдельным проявлениям мятежного духа внутри страны. Впервые в истории Китая взять в свои руки управление китайским обществом и в деревнях, и в городах должны были штатные чиновники, а не наместническая знать. Эти официальные лица были частью общенациональной иерархической лестницы, которая напрямую и достаточно успешно обеспечивала контакт между высшим руководством в Пекине и обычными людьми на местах. Возможно, Мао и окружавшие его сторонники и видели в победе КПК в 1949 г. триумф общемирового социалистического движения. Однако в первую очередь этот год обозначал возникновение Нового Китая – первого современного национального государства китайского народа.

Предшествовавшие этому моменту 100 лет были безжалостны к Китаю. Масштабное Тайпинское восстание 1850–1864 гг. на десять с лишним лет охватило большую часть юго-восточных районов империи Цин. Становление и падение так называемого «Небесного царства великого благоденствия» и сопровождавшие его крупные вооруженные столкновения погубили свыше 20 миллионов человек [Kuhn 1978; Platt 2012; Spence 1996]. Ослабленная династия Цин боролась с сонмом региональных мятежей на фоне серии провальных войн с колониальными державами. Ихэтуаньское (Боксерское) восстание 1900 г., направленное против иностранного вмешательства в дела Китая, было поддержано династией Цин, однако потерпело поражение от рук Альянса восьми держав. Китайская империя так и не оправилась от этого удара [Esherick 1987; Silbey 2012]. Синьхайская революция 1911 г. представляла собой не слишком примечательный государственный коллапс зачахшей империи³.

Попытки основать современную китайскую республику практически сразу сошли на нет. Общенациональные парламентские выборы завершились триумфом новообразованной партии Гоминьдан – буквально «Национальной партии» Китая. Основатель партии Сун Цзяожэнь, которому движение было обязано победой на выборах, вскоре погиб в результате покушения, организованного Юань Шикуюем, бывшим чиновником при династии Цин, который вознамерился установить собственную диктатуру [Young 1983: 217–228]. Китай быстро распался на плеяду региональных феодалов во главе с борющимися друг против друга военачальниками-милитаристами [Ch'i 1976; Nathan 1976; Gasster 1980]. В 1920-х гг. обозначилось противостояние двух революционных партий, желавших объединить Китай при поддержке военных: партия Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном, которому позже пришел на смену Чан Кайши, и Коммунистическая партия Китая, которую в конечном счете взял под свой контроль Мао Цзэдун, уроженец провинции Хунань, радикальный деятель и партизанский командир. В течение короткого периода в середине 1920-х гг. движения сблизились и добились определенных успехов совместно. Однако обеспеченных представителей китайской элиты, которые составляли ядро Гоминьдана, отталкивала приверженность КПК делу социальной революции. Союз рас-

---

² Такое наименование связано с тем, что династия Цин была основана кланом, который происходил из Маньчжурии.

³ Отличный обзор представлен у [Rowe 2009: 149–296].

пался в 1927 г. Чан Кайши покончил с коммунистами в коалиции, жестко предав казни тысячи человек [Isaacs 1961; Wilbur 1983].

Кровопрлитное противостояние двух революционных партий растянулось на десять с лишним лет. К середине 1930-х гг. коммунисты оказались на краю гибели. Но в дело вмешалась фортуна, подославшая в Китай агрессора в виде милитаристской Японской империи. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию – регион на северо-востоке Китая (современные провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян). В 1937 г. японцы приступили к масштабному военному вторжению во внутренние районы Китая. Режим националистов, продержавшись всего около 10 лет, не выдержал интервенции. Разруха, пришедшая в Китай, унесла с собой около 12 миллионов жизней [Mitter 2013: 5–6].

После краткой передышки, последовавшей за неожиданной капитуляцией Японии после атомных бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., внутри Китая возобновилась полномасштабная гражданская война. Гоминьдановцы, переждав японскую оккупацию в городе Чунцин – своей военной столице на юго-западе Китая, вступили в борьбу с КПК, пережившей к тому времени возрождение благодаря противостоянию «снизу» японским оккупантам, с которыми она намеренно не вступала в прямые конфронтации. Националисты, несмотря на победоносное для них начало гражданской войны, не смогли составить конкуренцию коммунистам и после серии поражений в значимых сражениях на территории Маньчжурии быстро распались как политическое движение. К моменту выхода Мао Цзэдуна с вестью об образовании Народной Республики на Тяньаньмэнь большая часть активов националистов уже была эвакуирована на остров Тайвань, а многочисленная Народно-освободительная армия под командованием Мао готовилась к окончательному захвату южных и западных территорий Китая.

Без сомнения, граждане Китая надеялись, что 1949 г. положит конец разрухе первой половины XX в. и станет началом новой эпохи национального единства, мира и экономического прогресса. Все эти ожидания вскоре сошли на нет. Эпоха революции еще не завершилась. Де-факто 1949 г. был лишь ее началом. Ни Мао, ни его коллеги по руководству не могли предвидеть масштабов продолжающихся потрясений.

Два самых известных примера таких потрясений, которые стали характерными явлениями эпохи Мао, – «большой скачок» 1958–1960 гг. и так называемая «великая пролетарская культурная революция», как теперь принято официально обозначать целое десятилетие от 1966 до 1976 г., самые сокрушительные удары которой пришлись на первые четыре года указанного периода. «Большой скачок» представлял собой масштабную кампанию мобилизации всего населения на еще более напряженный труд, более продолжительные часы работы и постоянное достижение новых производственных рекордов в целях догнать ведущие мировые экономики за несколько лет. Эта инициатива продемонстрировала поразительный охват населения мерами нового партийного государства. Подобный организационный маршбросок был бы немыслим всего десять лет назад. Мало кому из существовавших тогда правительств могло бы прийти в голову такое предприятие. Однако, к удивлению и ужасу инициаторов кампании, «скачок» обернулся невообразимой катастрофой: массовый голод – дело человеческих рук – привел к гибели почти 30 миллионов человек, а глубокий спад в области промышленности продлился до середины 1960-х гг.

За экономической и демографической катастрофой «большого скачка» вскоре последовало политическое бедствие в виде «культурной революции». В 1966 г. Мао мобилизовал студентов-*хунвейбинов*⁴ – буквально «красногвардейцев» – на борьбу с партийными функцио-

---

⁴ Здесь важно отметить, что распространенное допустимое обозначение движения на русском как «хунвейбины» («красногвардейцы») несколько скрывает двусмысленность термина, где *бин* может обозначать как отдельных бойцов, так и их подразделения. Отсюда равно допустимый перевод как «хунвейбин» – «Красная гвардия», который чаще встречается в источниках на английском. В данном издании исходили из приоритета обозначения «хунвейбины».

нерами. После некоторых колебаний он также позволил трудящимся принимать участие в множестве нападок на официальных партийных лиц местного и регионального уровня, которые по большей части были беззащитны перед лицом развязанной против них кампании. К январю 1967 г. почти на всей территории Китая были фактически развалены гражданские структуры национального правительства, которые в течение последующих двух лет перестраивались медленными и прерывистыми, но яростными усилиями. В дальнейшем имела место борьба за власть между противостоящими фракциями повстанцев, которые взаимодействовали друг с другом в рамках сложных альянсов, параллельно конфликтуя с военными подразделениями, направляемыми на их подавление. Многие регионы Китая переживали состояние, близкое к гражданской войне, и функционировали при отсутствии действующего гражданского правительства. Призывы к повстанцам объединиться под сулящим всем победу знаменем председателя Мао оставались без внимания. Конец этому этапу «культурной революции» был положен только путем безжалостного применения вооруженной силы.

К лету 1968 г. большая часть Китая де-факто находилась на военном положении, которое, возможно, давало населению поводы надеяться на передышку в междоусобице. К сожалению, военные руководители и их союзники среди гражданских запустили набирающую обороты террористическую кампанию против воображаемого класса врагов и политических заговорщиков. Ценой допросов и пыток миллионов людей был восстановлен не терпящий различий авторитет правительства. Бойня остановилась лишь после таинственной смерти в сентябре 1971 г. Линь Бяо, заместителя председателя ЦК КПК, министра обороны КНР и официального преемника Мао. После того как армия сняла с себя полномочия по вопросам гражданского администрирования, Китай вступил в период неопределенности, в течение которого противоборствовавшие в конце 1960-х гг. стороны возобновили фракционную борьбу, периодически выливавшуюся в волнения на местах. Междоусобица длилась до апреля 1976 г., когда в Пекине и других городах прошла волна протестов против правления Мао. До кончины стареющего диктатора оставалось шесть месяцев.

Вся эта историческая подоплека тяжелым грузом висела в воздухе в сентябре 1976 г. во время торжественного собрания на площади Тяньаньмэнь. В списке приглашенных на него руководителей были люди, которые поддержали «культурную революцию» Мао, с усердием совершали нападки на своих коллег и стремились вести Китай по пути маоистской революции, осуждая любого, кто ставил вопросы развития производства и качества жизни выше революционных принципов. Они стояли бок о бок с теми, кто умудрился выйти из всех потрясений относительно целым и невредимым, и с теми, кто потерял свои должности, был подвергнут унижению, пережил гибель любимых и близких и выжил в условиях заключения или ссылки прежде, чем быть вновь призванными в 1970-е гг. на встречу в столице Китая, чтобы приступить к делу восстановления страны. Последним планам Мао по обеспечению сохранности собственного наследия предстояло самым впечатляющим образом неожиданно рухнуть всего через несколько лет после его смерти. Это стало самой большой неудачей лидера, который из своего ошеломительного триумфа раз за разом извлекал лишь поражения, обрекая Китай на два десятилетия уничтожения и бессмысленной вражды. Разрушительные инициативы Мао оставили Китай в состоянии беспорядка. Последователям лидера пришлось начать всю работу практически с нуля. Следующие 30 лет Китай шел совершенно неожиданными путями.

Цель настоящей книги – осмыслить эти события и иные драматические сюжеты того времени. Недавние научные исследования, посвященные Мао Цзэдуну и его эпохе, четко высветили конфликты между актерами, находящимися на самой верхушке политической системы, и мотивы действий этих актеров, а равно и последствия принимаемых руководством решений для общества Китая. В своей работе я использую эти материалы, однако в моем собственном исследовании делаю акцент не на том, что произошло, но на том, почему это произошло именно таким образом. Центральной фигурой нарратива выступает Мао Цзэдун: чего он хотел

добиться, на что он надеялся, какие помыслы и обязательства определяли его действия. Ключевая идея моей книги заключается в том, что результаты его инициатив зачастую оказывались непреднамеренными, непредвиденными и нежелательными, причем не только для населения Китая и руководства КПК, но и для самого Мао. Для понимания причин произошедшего мы должны рассмотреть революционную организацию, которая в 1948–1949 гг. силой взяла под свой контроль континентальный Китай, а также наследие, оставленное этой организацией в ходе ее продолжительной борьбы за власть. Мы должны исследовать особенности восстановления государства и общества в 1950-х гг. Мы должны изучить, как была организована КПК и как она привлекала, вознаграждала и наказывала своих членов. Мы должны осознать существенные недостатки экономической системы, которая была импортирована из СССР и в которой руководство Китая, в особенности Мао, видело путь к ускоренной индустриализации Китая. Две эти структуры – партийная система и командная экономика СССР – оказались эпицентром всех трудностей и конфликтов эпохи Мао. Именно в них кроются корни недовольства правлением Мао, и именно их специфические особенности неоднократно срывали его начинания. Сам Мао Цзэдун, который предстает перед нами в таком прочтении истории, оказывается во многом легкомысленным и склонным к грубым ошибкам человеком, апологетом жесткой анахроничной революционной идеологии. Однако его личные недостатки не позволяют нам в полной мере объяснить, почему события развивались именно так, как это случилось. Я начинаю свое повествование с описания инициированных Мао оперативных мер и прослеживаю, как их последствия охватывали созданный им режим и в конечном счете все общество Китая.

Следующие пять глав этой книги описывают предпосылки для серии грядущих драматических событий. Я расскажу о той трансформации, которую за десять лет после 1947 г. Китай пережил на пути к превращению в мощное и сплоченное национальное государство со своими необычными особенностями и поразительными уязвимостями. Глава 2 представляет собой хронику долгого пути КПК к власти и описывает воздействие последствий этой продолжительной борьбы на все имевшие место потом события. Я не концентрируюсь на традициях партизанского коммунизма и антияпонском сопротивлении, которые занимают столь значительное место в мифологии формирования КНР. Мощная сталинизация КПК началась в городе Яньань, бывшем во время войны базой коммунистов. Именно здесь Мао приобщился к основам коммунизма сталинистского толка, в особенности к доктрине классовой борьбы в условиях социализма, которая продолжительное время трактовалась как единственная теоретическая новация Мао. В Яньане партия отшлифовала мастерство обеспечения драконовских требований к лояльности и конформизму своих членов и навыки наказания тех, кто оказывался неспособен выполнять эти требования. В будущем этот опыт окажется для КПК источником как значительной мощи, так и разрушительных злоупотреблений. Спустя много лет после отхода от стратегии партизанской войны в созданном за 1950-е гг. режиме для поддержания вооруженных сил общего назначения продолжала действовать массовая мобилизация гражданского населения, начало которой было положено во времена гражданской войны в конце 1940-х гг.

1950-е гг. были временем формирования режима, а также эпохой социальной революции. Главы 3 и 4 представляют собой общее представление о ходе революции соответственно в сельской местности и в городах. За короткое время были уничтожены существовавшая многие века система землепользования и выстроенные на ее основе социальные институты. Исчезли частное землевладение и сельскохозяйственная аренда, равно как и сельские элиты, обеспечивавшие этими явлениями свой авторитет. Китай быстро превратился в страну мелких независимых земледельцев, у которых по прошествии нескольких лет снова отняли землю. Их поглотили коллективные хозяйства. Изменения затронули и жизнь в городах. Лавочники, торговцы и капиталисты, которые не бежали из континентального Китая, постепенно лишались своей собственности и активов. Компании консолидировались в коллективы под управлением правительства или национализировались и превращались в государственные предприятия. Город-

ское и сельское население регистрировали, классифицировали и привязывали к местным сообществам. Как в городах, так и в сельской местности были эффективно нейтрализованы как организованные преступные группировки и вооруженные банды, так и торговля наркотиками, проституция и рэкет. В городах и деревнях был установлен новый уровень стабильности и порядка. Одновременно со всем этим КПК формировала новое и эффективное национальное государство, которое служило делу искоренения неравенства и незащищенности, столь продолжительное время терзавших простых жителей Китая.

С течением 1950-х гг. новый национальный режим Китая начал заметно напоминать советский строй. В главе 5 описывается, как Китай стремительно внедрил свою версию государственной социалистической машины роста, разработанную в 1920-х гг. в сталинском СССР. По прошествии времени это решение выглядит как роковой выбор, поскольку перенятая модель развития имела серьезные недостатки и в конечном счете потерпела тотальный крах. Однако в начале 1950-х гг. это было абсолютно невозможно предвидеть. Указанная модель позволила СССР добиться ускоренного развития промышленности, одержать победу над нацистской Германией и обеспечить резкое увеличение темпов роста в послевоенный период, что усиливало военную мощь СССР, ставшего угрозой для западных держав. В первой половине 1950-х гг. Китай остервенело внедрял у себя именно эту модель, требовавшую высоких показателей экономики и инвестиций, которые, в свою очередь, сдерживали в обозримом будущем потребление и качество жизни в пределах средств для существования. Нормирование и дефицит, жилье и общественная инфраструктура ненадлежащего качества оставались проблемами для Китая вплоть до завершения эпохи Мао.

Все описанные изменения носили фундаментальный характер, однако наиболее важным преобразованием 1950-х гг. стало расширение влияния КПК на все сферы функционирования правительственных структур, социальных институтов и предприятий Китая. Этому тренду, который является общепризнанным, но требует серьезного исследования, посвящена глава 6. Партия не стремилась контролировать все и вся, предпочитая фокусироваться на организациях, которые выполняли ключевые управленческие функции, принимали принципиальные решения по распределению ресурсов и готовили будущие элиты Китая. Расставлять кадры и распределять ресурсы КПК научилась быстро. Это стало убедительным стимулом для вступления в партию, а соответственно, неизбежно поменяло смысл членства в этой партии и мотивацию вступающих в ее ряды людей. До победы КПК вступление в партию сопутствовали значительные жертвы, личные риски и даже опасность. Ситуация полностью изменилась в 1950-х гг. Членство в партии стало мандатом, который увеличивал возможности продвижения по службе и открывал перспективы получения высшего образования. Становясь членом КПК, особенно в молодом возрасте, человек приобретал гораздо больше шансов быть назначенным на руководящую должность и пользоваться особыми привилегиями. Пребывание в такой должности, соответственно, позволяло распространить действие льгот на своих родственников и преемников. Впрочем, все эти преимущества действовали лишь до тех пор, пока члены партии неустанно демонстрировали лояльность и послушание.

Сформированная в 1940-е гг. революционная организация со строгой системой дисциплины неизбежно трансформировалась в площадку для личного продвижения и структуру покровительства. Этот тренд беспокоил отдельных представителей руководства и постепенно стал предметом исключительной озабоченности Мао Цзэдуна как, возможно, наиболее важная составная часть маоистской политической платформы. При этом, как мы увидим далее, Мао странным образом интерпретировал описанную тенденцию как возвращение к капитализму, а не как неизбежное направление эволюции бюрократической иерархии, получившей монопольный контроль над собственностью и карьерными возможностями. Поставив такой в корне неверный диагноз, Мао предлагал курсы лечения, которые были не только контрпродуктивны, но и вредны. Он безуспешно бился над решением описанной проблемы до конца своей жизни.

Эти главы обозначают контекст для яростных событий последних двух десятилетий жизни Мао Цзэдуна. Самым поразительным в них окажется возможность увидеть, как практически все его инициативы приводили к печальным последствиям, оказывающимся непреднамеренными, неожиданными и нежелательными. Мао приходилось отступать, идти на компромиссы и менять направление движения. Хроника 20 последних бурных лет его жизни начинается с главы 7, в которой мы проследим реакцию Китая на глубокие социальные изменения в СССР после смерти Сталина, в особенности последствия осуждения Никитой Хрущевым на съезде КПСС в феврале 1956 г. культа личности. Критика Сталина больно задела лидеров ряда восточно-европейских стран. Многие из них неукоснительно копировали вождя СССР в собственных политических курсах. Мао в значительной мере ассоциировался с таким подходом. Он активно продвигал соответствующие политические инициативы и сознательно подражал Сталину, формируя культ своей личности и режима, за которые теперь пригвозждали к позорному столбу. Желая переиграть Хрущева, Мао стремился запустить либерализацию на собственных условиях. В феврале 1957 г., преисполненный уверенности в себе, он анонсировал кампанию под слоганом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», призвав рядовых граждан критиковать работу партийных кадров в масштабах всего Китая. Инициатива была направлена на «исправление» поведения членов партии и исключение формирования народного возмущения, которое в то время охватило новые режимы в Восточной Европе. Однако кампания вышла ее организатору боком. За несколько недель поначалу робкие замечания переросли в лавину жалоб, которые ставили под сомнение партийную идеологию и диктаторский стиль управления. Студенты и преподаватели учреждали независимые журналы и клубы, собирали митинги и устраивали в учебных заведениях диспуты. Рабочие требовали пересмотра заработной платы и представления своих интересов. По городам прокатилась волна стихийных забастовок. Крестьяне выходили из недавно созданных коллективных хозяйств. На сторону недовольных начали переходить молодые члены партии и активисты Коммунистического союза молодежи Китая.

Мао просчитался в своем самонадеянном предположении, что КПК не стоит страшиться открытой критики. В июне лидер пошел на попятную. Партия ответила своим критикам массовым Движением против правого уклона, объявившим оппонентов КПК антипартийными реакционерами и контрреволюционерами. Не имело значения, какие замечания предъявил человек. Кампания затронула не только людей, выступавших с резкой критикой партии и принимавших участие в организованных мероприятиях. Подвергнутые гонениям были вынуждены переживать мучительные собрания, на которых их обличали. В преддверии окончательных приговоров этих людей изолировали от коллег и друзей, увольняли со службы, высылали работать в коллективные фермерские хозяйства, отправляли в тюрьмы или рабочие лагеря. Отдельных руководителей студенческих протестов и забастовок казнили. Кампания обрушилась и на тысячи молодых членов партии, которые в духе лояльности и идеализма отреагировали на призыв Мао выступать с критикой для исправления недостатков в партийной работе. Контрудар сработал. Волнения быстро прекратились. Это был последний пример подлинно независимой политической критики партийной системы вплоть до конца 1970-х гг.

По-прежнему преисполненный решимости доказать свою способность смело и нетривиально решать проблемы развития социализма, еще до завершения Движения против правого уклона Мао приступил к кампании за массовую индустриализацию. В рамках «большого скачка», которому посвящена глава 8, КПК, используя свой мощный административный ресурс, бросила рабочих и крестьян на авральное наращивание производства. Партийные кадры вынуждали своих подчиненных долгие часы работать для выполнения непомерно завышенных планов по производству зерна, стали и иной продукции. Все закончилось полным фиаско по причине дезорганизации, расточительства и дутых отчетов, отправлявшихся властями партийными чиновниками, ощущавшими на себе сильнейшее политическое принужде-

ние работать на высший результат. В июле 1959 г., когда признаки надвигающегося экономического провала стали очевидны, партийное руководство собралось, чтобы обсудить, как сменить выбранное политическое направление. Мао уже был осведомлен о существующих проблемах и, казалось, был даже готов сменить выбранный курс. Однако на откровенное послание министра обороны КНР, маршала Пэн Дэхуая, который четко обозначил в своем письме недостатки «большого скачка», он отреагировал с болезненной мстительностью. Заклейменный как «предатель», Пэн был снят с поста, Мао же настоял на продолжении своего курса и инициировал второй раунд Движения против правого уклона, чтобы бороться со всеми, кто осмеливался критиковать или сомневаться. «Большой скачок» затянулся еще на один год, до тех пор, пока дефицит продовольствия не стал ощущаться даже в крупнейших городах, в то время как в сельской местности десятки миллионов человек гибли от массового голода.

Это было второе подряд поражение Мао Цзэдуна, однако по сравнению с маневром «ста цветов» «большой скачок» оказался громаднейшим промахом. В главе 9 рассматриваются его последствия и политический кризис, который приведет Китай к «культурной революции». Мао позволил ликвидировать ущерб, нанесенный экономике, другим людям, но был возмущен прямолинейной оценкой провалов «большого скачка» со стороны своего главного доверенного лица Лю Шаоци. Мао сознавал, что многих из его коллег мало беспокоили ключевые идеи, которые стояли за «большим скачком». СССР тем временем двигался в абсолютно ином направлении. Хрущев выступил с предложением о модели развитого социализма, в которой упор делался на научные достижения, высшее образование, бюрократическое планирование, мирное экономическое развитие, повышение уровня жизни и смягчение напряженности в отношениях с Западом. Во всем этом Мао видел беспринципное попустительство империалистам и их мировой системе со стороны советских бюрократов, а также откат к устойчивой иерархии и привилегиям элитной страты образованных политических инсайдеров. Для Мао все эти ходы, как ни странно, представлялись возвращением к капитализму. Изображая из себя истинного революционера, разительно отличающегося от кабинетных чиновников, возглавивших СССР после Сталина, Мао ринулся в идеологическую полемику, которая в итоге привела к разрыву отношений между КНР и СССР.

В сознании Мао предполагаемые идеологические колебания его коллег и избранный СССР курс были тесно взаимосвязаны. В 1963 г. лидеру Китая исполнилось 70 лет. У него были основания беспокоиться по поводу собственного политического наследия. Он долгое время сдерживал внутри себя негодование по поводу отречения Хрущева от Сталина всего лишь три года спустя после смерти последнего. Мао, несомненно, осознавал, что тем, кто не решался его свергнуть, было достаточно дождаться, пока он покинет политическую сцену естественным образом. Он не верил, что такие люди, как Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, продолжат его революционное дело. С учетом того пути, по которому Дэн Сяопин пойдет в 1980-х гг., беспокойство Мао, по всей видимости, было основано не на паранойе, а на корректном прочтении ситуации. В конце главы 9 мы узнаем о том, как вождь готовился к ошеломительной атаке на партийное государство.

Мао мог бы ограничиться облавой на тех, в ком он ощущал недостаточную верность своим идеям. Однако развернувшаяся кампания оказалась не обычной зачисткой рядов руководства. Ее сопровождало народное восстание, первоначально инициированное учащимися. Именно этой теме посвящена глава 10. Мао и СМИ открыто поощряли выступления старшеклассников и студентов вузов против «буржуазных» элементов среди профессорско-преподавательского состава и «покрывавших» их администраторов. Студенты сформировали «Красную гвардию» *хунвейбинов* и осуществляли все более ожесточенные атаки на преподавателей, администраторов и, наконец, официальных лиц. Их деяния восхвалялись в СМИ и были удостоены серии массовых митингов на площади Тяньаньмэнь, во время которых Мао устраивал смотры своих последователей. Подразделениям служб безопасности и армии был отдан при-

каз не вмешиваться. Впрочем, в студенческой среде происходили многократные расслоения на фракции. Многие учащиеся сопротивлялись неприкрытым попыткам манипулировать движением и направлять его, отвечая на это атаками против официальных лиц, которые по поручению Мао вели такую деятельность.

Эти проблемы привели к тому, что Мао разуверился в студентах-повстанцах. Ближе к концу 1966 г. он решился подключить к кампании промышленных работников. В главе 11 рассматриваются последствия такого хода. Города по всему Китаю стремительно выходили из-под контроля. Некоторые трудящиеся выступили с требованиями по пересмотру оплаты труда и социальному обеспечению, некоторые выступили на защиту местных властей против повстанцев. На улицах развернулась борьба между фракциями.

К концу 1966 г. большинство региональных правительств были на грани коллапса. Перед лицом подступающего государственного паралича Мао пошел по пути захватов власти руками повстанцев из регионов, которые были призваны объединиться с преданными ему официальными лицами для свержения парткомов на местах с целью восстановления порядка. Прообразом этого движения стала Январская революция в Шанхае⁵: многочисленный союз протестующих работников заручился поддержкой местного руководителя по делам пропаганды Чжан Чуньцяо и, с разрешения Мао, учредил новую форму управления, восстановив при поддержке армии порядок в крупнейшем городе Китая. Переворот под руководством Чжана Пекин встретил как триумф народных масс и победу революционной линии Мао. Январская революция стала руководством к действию и источником вдохновения для того, что должно было стать победоносной кульминацией «культурной революции». Однако это воображаемое торжество так и не наступило. Мятежники, предпринимавшие попытки захватывать власть во всех концах Китая, оказались вовлеченными в конфликты и разделились на антагонистические фракции. Армии был отдан приказ разобраться в сложившейся ситуации, однако военные либо подавляли повстанческие силы, которым отдавали предпочтение Мао и его коллеги, тем самым подрывая самонадеянность руководства, либо оказывались сами замешаны в местные фракционные стычки. Уклончивость и нерешительность Пекина позволили вражде на местах все больше разрастаться. К лету 1967 г. ситуация была близка к состоянию гражданской войны.

Мао был вынужден ввести, по сути дела, военное положение. Провальный эксперимент, сопровождавшийся массовыми выступлениями и чехардой власти, был свернут в 1968 г. Глава 12 представляет собой хронику действий армии по восстановлению порядка. К тем, кто продолжал сопротивление, относились как к контрреволюционерам. Карательные меры в масштабах всей страны не оставляли места для оппозиции. В рамках кампании «Зачистка классовых рядов» миллионы людей оказались под следствием, в тюрьме, их жестоко допрашивали в стремлении искоренить любые формы несогласия. Были опустошены университетские городки; студентов на неопределенные сроки отсылали на перевоспитание в сельскую местность; к тяжелой работе на земле принуждали и преподавателей, и администраторов вузов. Перевоспитанию через физический труд в деревнях или на фабриках подверглись также многие сотрудники правительственных структур. Культ Мао достиг абсурдных пределов: в знак любви к председателю КНР граждане исполняли «танцы верности» и до начала каждого рабочего дня преклонялись перед алтарями с портретами Мао, чтобы «испросить наставлений» у лидера.

Все эти кампании завершились после сентября 1971 г. Последовавший за этим период нестабильности исследуется в главе 13. Погиб маршал Линь Бяо, который столь публично продвигал культ Мао, за что в качестве «ближайшего соратника и преемника» был вознагражден вторым по значимости постом в партийной иерархии. По официальной версии, которую в

---

⁵ Также обозначается как «Народная коммуна Шанхая». Вдохновением для этой инициативы стала Парижская коммуна 1871 г.

конечном счете сообщили народу Китая, Линь погиб в результате падения самолета, на котором он пытался сбежать в СССР после неудавшегося военного переворота и попытки убить Мао. Вся аргументация в пользу «культурной революции», которая была призвана оправдать в глазах публики беспрецедентные масштабы разрухи, имевшей место последние пять лет, рассыпалась в прах.

Вслед за этим начались значительные изменения. Армия постепенно отошла от дел гражданского администрирования. Премьер Чжоу Эньлай, непостижимым образом переживший «культурную революцию» вопреки постоянным нападкам со стороны коллег Мао за свои попытки смягчить разрушительную силу движения, получил полномочия на восстановление Китая. Постепенно была заново отстроена партийная организация. Культ Мао свернули. Публичные ритуалы были прекращены. Университеты начали возвращать преподавателей и принимать небольшие группы студентов. Миллионы правительственных функционеров, отправленных в ссылку заниматься физическим трудом, были восстановлены в своих должностях. Такие лидеры, как, например, Дэн Сяопин, которые были все еще живы, переждав бурю, заняли высокие посты, тогда как Лю Шаоци погиб в заключении.

Установилось неспокойное затишье, которое вскоре было прервано нарастающим конфликтом, уходившим корнями в недавнее прошлое. Кампания по критике Линь Бяо давала основания жертвам «культурной революции», в том числе и ее бывшим активистам, осуждать как это движение, так и, опосредованно, председателя Мао. Бывшие *хунвейбины*, повстанцы и студенты, сосланные в деревню, начали объединяться в средоточия независимого критического мышления. Махинации пекинского руководства по поводу наследия «культурной революции» стимулировали их последователей к протесту. Во многих крупных городах возобновились фракционные конфликты и уличные акции сопротивления. Наиболее драматичным проявлением накипающего недовольства стали массовые демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4–5 апреля 1976 г., которые были подхвачены и в других крупных городах. Акции памяти недавно скончавшегося Чжоу Эньлая быстро переросли в открытое осуждение официальных лиц, противодействовавших стремлению премьера откатить назад «культурную революцию». Ответом на протест стало повторное смещение Дэн Сяопина.

Мао оставил после себя разрушенный и отсталый Китай. В главе 14 представлен обзор положения дел в стране на момент смерти вождя. Несмотря на резкий спад после «большого скачка» и более умеренное замедление темпов роста в конце 1960-х гг., национальная экономика развивалась. Однако Китай заметно отстал от других социалистических стран, а тем более от Японии, Южной Кореи и других экономик Восточной Азии. Средние показатели реальной заработной платы среди промышленных работников по сравнению с 1957 г. снизились. Городские жители, столкнувшиеся с нехваткой жилья, были вынуждены ютиться в убогих коммунальных квартирах с местами общего пользования. Все еще сохранялись нормирование и дефицит всевозможных базовых потребительских товаров. В отдельных случаях ситуация с поставками продукции с 1960-х гг. только ухудшилась. От системы высшего образования остались руины. Печальным было состояние системы управления государственными учреждениями, где значительно упал уровень компетенции и постоянно имели место подводные течения политических противоречий. Производственные мощности устарели и нуждались в ремонте. Дизайн товаров с 1950-х гг. оставался неизменным. В деревнях Китая царил ужасающая бедность: одна пятая крестьян жила ниже черты официального прожиточного минимума, а позже стало известно, что показатели качества питания в сельской местности Китая были одними из самых худших в Азии.

Для восстановления ослабленного после Мао Китая нужно было приложить огромные усилия. Разорение и разруха, оставшиеся в наследство от вождя, вынудили его последователей пересмотреть общее направление движения всей страны. Это в самом деле был переломный исторический момент. Ухватившись за возникшие возможности, последователи Мао отказа-

лись от его ключевых идей, в том числе от неприятия рыночных механизмов и частных предприятий, которое, будучи ядром советской экономической системы, начиная с 1950-х гг. стало непреложным фактом в Китае. Когда пыль прошлого наконец-то осела, Китай выбрал в качестве новой модели ориентированные на экспорт развивающиеся страны Восточной Азии, элементы которых были привиты к стволу восстановленной и обновленной КПК. Столь масштабная реформа могла принести плоды только лишь после того, как руководство Китая признало, что в их стране что-то пошло абсолютно неправильно. Не это наследие рассчитывал оставить после себя Мао. В конечном счете все пошло в направлении, прямо противоположном тому, которое указывал лидер.

Глава 2

От движения к режиму

Триумф Коммунистической партии Китая (КПК) в 1949 г. был поразительным и, для многих членов движения, практически сверхъестественным с учетом того, что партии, помимо поиска ресурсов для победы в гражданской войне против Гоминьдана при изначально неравных силах, еще в ранние годы пришлось пережить два тяжелейших удара. Первый удар был нанесен весной 1927 г., когда Чан Кайши приступил к ожесточенным чисткам, положившим конец союзу между коммунистами и националистами и подорвавшим структуры КПК в городах. Количество членов партии сократилось с 58 тысяч в апреле 1927 г. до 10 тысяч по прошествии всего четырех месяцев⁶. Те, кто остался в живых, были вынуждены попрятаться по подпольным ячейкам в городах. Но большинство коммунистов отступили в сельскую местность, где они разместили свои временные опорные пункты. Через несколько лет самым крупным из таких пунктов стала Центральная революционная опорная база. Эта общность, также известная как Советский район Цзянси-Фуцзянь, была создана Мао и его сторонниками в горах на границе провинций Цзянси и Фуцзянь на юго-востоке Китая.

Вторым ударом стала военная кампания вооруженных сил националистов 1934 г., в результате которой Центральная революционная опорная база была уничтожена, а выжившим коммунистам пришлось совершать изнурительное отступление со своих позиций в провинцию Шэньси на северо-западе Китая. Красная армия Китая уменьшилась с максимальных 150 тысяч в 1933 г. до 23 тысяч человек к 1936 г., из которых добраться до новой базы в удаленном районе Шэньси⁷ первоначально смогла лишь половина. В результате коммунисты оказались заброшены в засушливый гористый пограничный регион⁸. От дальнейших атак со стороны Гоминьдана их уберегло лишь начало в 1937 г. полномасштабного вторжения Японии, которая перебила силы националистов и вынудила правительство последних отступить вглубь Китая.

Даже после неожиданной капитуляции Японской империи в августе 1945 г. победа коммунистов ни в коей мере не была predetermined. Гражданская война с националистами, начавшаяся после вынужденного похода коммунистов в Маньчжурию⁹ для восполнения потерь и запасов у оккупационных сил СССР, началась для КПК крайне неудачно. Гоминьдан располагал более многочисленной и лучше обеспеченной армией. Коммунистические подразделения в Маньчжурии были отброшены на север, к границе с СССР. Чан Кайши бросил свои силы на массивное наступление с целью либо покончить с коммунистами, либо отеснить их в Сибирь. Однако после нескольких решающих поражений огромные войска националистов распались. Гоминьдан стремительно потерял контроль над северными и восточными районами Китая. Меньше чем за год коммунисты, начавшие практически с поражения, превратились в разгромную для своих оппонентов силу.

Путь КПК к победе в гражданской войне оставил после себя наследие, которое в значительной мере создало режим, пришедший к власти в 1949 г., а также сформировал образ мыслей и модель поведения руководства Китая и членов КПК на многие годы вперед. Однако это наследие следует искать не в официальной мифологии о годах партизанской войны, символом которой выступает город Яньань – военная столица коммунистов. В равной мере это наследие

---

⁶ [Wilbur 1983: 620–672] описывает растянувшиеся по времени распад и зачистки, которые привели лишь к дальнейшему разделению внутри Гоминьдана. Указанные цифры по партийному членству взяты из [Lee 1991: 16–17].

⁷ [Ch'en 1986: 204–216; цифры по войскам: 198], Dreyer [1995: 185–200; цифры по войскам: 186–187, 199].

⁸ [Apter, Saichi 1994: 190–194] детально описывают регион.

⁹ Историческое наименование региона, который в настоящее время известен как Северо-Восточный Китай: провинции Хэйлуцзянь, Ляонин и Цзилинь.

не найти и в многолетнем опыте сельской реформы и партизанской деятельности на военных опорных пунктах за пределами позиций Японии, которому уделялось пристальное внимание исследователей в прошлом и которое до сих пор прославляется в китайских фильмах и учебниках. КПК захватила власть не через партизанскую войну, явившуюся в условиях японского вторжения стратегией выживания. Победы КПК добилась не в связи с оказанием вооруженного сопротивления Японии. Как раз наоборот, партия осознанно избегала прямой конфронтации с оккупантами. Победа КПК стала результатом конвенциональной борьбы против сил, соперничающих на китайской стороне. Это заложило наследие КПК как милитаризированной партии и конвенциональной армии, требовавших от подчиненных им масс людей жертв в виде всеобщей военной мобилизации. Мобилизация ради достижения военной победы заложила бюрократические основы Нового Китая и в значительной мере повлияла на будущее зарождающегося государства.

Обоснование победы коммунистов

Политические революции можно описать как противостояние двух организаций: существующего государства и повстанческих сил, которые в равной мере борются за монополию на «легитимное» применение силы на определенной территории [Stinchcombe 1965: 169–180; Tilly 1978: 189–222]. События, приведшие к победе КПК в 1949 г., историки интерпретируют в основном именно таким образом. Некоторые из них ставят под вопрос организационное и стратегическое превосходство коммунистов над националистами. И если по поводу слабых сторон националистов сформировался консенсус, в отношении преимуществ коммунистов существуют разнообразные точки зрения.

Одна категория обоснований причин успеха стратегии КПК заключается в отсылке к стратегии «революции в деревнях», которую партия разработала и которая ассоциируется с ведущим поборником этой идеи – Мао Цзэдуном. В рамках этой стратегии КПК отказывалась от марксистской догмы революции пролетариата и перенаправляла революционное движение в сельскую местность. Коммунисты сочетали тактику партизанской борьбы с формированием партийных ячеек, которые вовлекали в политическую жизнь обездоленных крестьян¹⁰. У этой теории есть три различных версии, каждая из которых делает упор на различных доводах, объясняющих причины принятия китайскими крестьянами стратегии КПК.

Первая и самая ранняя точка зрения объясняет поддержку коммунистов со стороны сельских районов политическими последствиями вторжения в Китай Японии. Вызванная этими событиями волна националистических настроений в крестьянской среде будто бы и привела коммунистов к победе. С этих позиций жесткие меры японцев по подавлению сопротивления в китайской глубинке спровоцировали возрастание национализма среди крестьян, которые ранее не проявляли свою национальную идентичность активно. Оккупанты, бросившие силы на борьбу с противником в тылу врага, превратили партизан-коммунистов в героев, несущих китайской нации спасение. Таким образом, КПК оседлала волну вновь пробудившегося у крестьян национализма, став защитницей сельской местности от иностранных захватчиков¹¹.

Вторая точка зрения делает упор на программах КПК по сокращению арендной платы и проведению земельной реформы, которые были направлены на избавление нищих крестьян Поднебесной от давних проблем. Здесь подчеркивается значение организационной работы КПК в деревнях, в особенности пристальное внимание партии к извечному неустойчивому

---

¹⁰ Один из ранних примеров такой точки зрения мы находим у [Schwartz 1951].

¹¹ Самую раннюю версию этого предположения выдвигает [Taylor 1940], в дальнейшем эта позиция была развита в [Johnson 1962].

материальному положению наиболее обездоленных слоев сельского населения¹². КПК нащупала ключ к политической мобилизации сельских районов в мечте крестьян о земле и освобождении от изнурительных долгов и поборов. Работая с безземельными крестьянами и фермерами-арендаторами, КПК высвобождала латентные классовые конфликты, которые формировали будто бы неиссякаемые источники поддержки со стороны крестьянства¹³.

Третья точка зрения фактически является вариацией предшествующей. В фокусе внимания здесь находятся не классовые конфликты, ведущие к расколу среди сельских жителей, а традиционные моральные представления крестьянства, разделявшиеся в сельских районах всеми социальными классами. Соответственно, коммунисты выступали за повышение уровня жизни обездоленных крестьян и апеллировали к местным традиционным ценностям, которые были сконцентрированы вокруг права каждого на основные средства существования. Крестьяне видели в коммунистах поборников традиционной культуры, которые противостояли рационализации законов рынка все более расширяющегося общемирового капиталистического движения¹⁴.

Все эти точки зрения призваны обосновать то, как партизанская стратегия привлекла крестьян на сторону КПК. Однако эта аргументация не позволяет нам сделать по поводу причин триумфа коммунистов однозначный вывод. Вне всяких сомнений, КПК эффективно мобилизовала крестьянство и сформировала на уровне деревень политические организации, но такая стратегия существенным образом зависела от способности коммунистов удерживать за собой территории военной силой. Исследователи безуспешно пытались найти корреляцию между районами с особыми социальными условиями и приходом к власти на данных территориях коммунистов. Единственное обстоятельство, которое соотносится с достижениями на местах, – присутствие там вооруженных коммунистических сил [Hofheinz 1969, 1977]¹⁵. Руководство партии не верило в то, что ее тактические успехи были связаны с конкретными экономическими условиями. С его точки зрения, во всех районах Китая было достаточно классового неравенства для того, чтобы стимулировать революционные перемены [Van Slyke 1986: 651–652].

Такие перемены, проводившиеся в районах, надежно контролировавшихся коммунистической партией, были изначально нестабильными. Опорные пункты стремительно распадались, если военное присутствие коммунистов там ослабевало. Ближе к концу 1939 г. вооруженные силы Японии консолидировали свои победы на севере Китая и переключились на районы, в которых расширила свою деятельность КПК. Зона присутствия последней уменьшилась, и партийные кадры столкнулись со сложностями в привлечении настороженных крестьян на свою сторону [Ibid.: 674–676]. Похожая ситуация сложилась в первые шесть месяцев гражданской войны, когда на севере Китая перевес сил складывался в пользу националистов. Это привело к широкому выходу людей из партийных организаций на местах и отходу от преобразований, которые проводились в деревнях. В одном из исторических трактатов рассматриваемый период характеризуется следующим образом: «Пока коммунистические силы оставались на местах, местные партийные кадры имели возможность проводить земельную реформу и инициировать политические мероприятия. Однако в отсутствие военной защиты новые адепты движения в деревнях, которые были рекрутированы на заключительном этапе войны против Японии и в послевоенные годы, зачастую переходили на другую сторону» [Westad 2003: 61].

---

¹² [Selden 1971] был одним из первых влиятельных источников такого подхода.

¹³ Это сходится с общими рассуждениями о революции в Китае и Вьетнаме как выражении классовых конфликтов. См., в частности, [Moore 1966; Paige 1975].

¹⁴ См. [Thaxton 1983; Marks 1984], которые развивают идеи [Scott 1976] о «моральной экономике» протеста.

¹⁵ Эта точка зрения подтверждается в [Benton 1992], где детально рассматривается деятельность коммунистов, которые остались на востоке Китая после эвакуации Советского района Цзянси-Фуцзянь.

Еще одна причина, почему нельзя воспринять стратегию партизанской борьбы как обоснование успеха коммунистов, заключается в том, что де-факто победа была достигнута за счет конвенциональных боевых действий с участием значительных современных вооруженных сил на фоне массовой мобилизации ресурсов и людей с обеих сторон конфликта. Партизанская война позволила КПК выживать и расширять свои ряды в годы японской оккупации, но эта стратегия требовала от крестьян минимальной поддержки партизан-коммунистов в виде продовольствия, ресурсов и рекрутов. С началом гражданской войны КПК отказалась от партизанских операций. По мере вступления вооруженных сил коммунистов в Маньчжурию, которая ранее находилась под оккупацией СССР, Мао начал следовать стратегии тотальной мобилизации на революционную войну. Красная армия, переименованная в 1945 г. в Народно-освободительную армию Китая (НОАК), разрослась от 475 тысяч в 1944 г. до 2,8 миллиона к 1948 г. [Dreyer 1995: 317–318; Van Slyke 1986: 621]. Ресурсы и человеческие силы, требовавшиеся для масштабных операций, нельзя было обеспечивать методами ведения партизанской войны. Новый подход трансформировал как сообщества в районах, находившихся под контролем КПК, так и саму партию. Теперь в борьбу против националистов требовалось вовлечение всего населения. Активная поддержка военных действий коммунистов обеспечивалась принудительно. Требовалось обеспечение партии в виде ресурсов, труда и новобранцев. Заключительные годы гражданской войны в Китае напоминали покорение армией СССР Восточной Европы на последних этапах Второй мировой войны. НОАК устремилась к югу от Маньчжурии и в сопредельные к Северному Китаю регионы, захватывая обширные территории, которые никогда прежде не находились под ее контролем, а также такие районы, как Тибет и Синьцзян, которые со времен падения династии Цин вообще не находились под управлением какого-либо китайского государства.

Организация, одолевшая в ходе гражданской войны изначально превосходящую ее по соотношению сил армию националистов, состояла не из партизан, которые вели операции в отдаленной сельской местности. Это была милитаризованная партия, осуществлявшая полномасштабную мобилизацию для поддержания захвата территории при помощи многочисленной современной армии. Именно эта организация стала ядром Нового Китая. Для осознания того, как КПК выиграла организационное противостояние с Гоминьданом, следует рассмотреть причины, которые позволили коммунистам быть на этой стадии конфликта более эффективными, чем националисты.

Последствия японского вторжения для вооруженных сил

Мы начинаем экскурс в историю противостояния двух организаций с кануна войны с Японией¹⁶. В 1936 г. Чан Кайши сконцентрировал вооруженные силы националистов в провинции Шэньси для организации завершающего наступления на небольшой опорный пункт коммунистов на границе Шэньси-Ганьсу-Нинся и на «красную столицу» – город Яньань. Красная армия располагала на тот момент лишь 50 тысячами солдат, 29 тысячами единиц огнестрельного оружия при полном отсутствии поддержки с воздуха, а националисты имели в своем распоряжении свыше двух миллионов солдат и ВВС в составе 314 самолетов [Taylor 2011: 142]. Однако до начала операции Чан Кайши был задержан подразделениями двух своих генералов, которые хотели, чтобы он объединил с коммунистами усилия для противостояния Японии. Японцы уже захватили практически все районы Северо-Восточного Китая и подступали к Северному Китаю. Командирам не было известно, что в результате секретных переговоров

---

¹⁶ В китайской историографии вторая война с Японией делится на две части: частичная война, которая стартовала 18 сентября 1931 г. с началом японской интервенции в Маньчжурии, и всесторонняя война, которая датируется с 7 июля 1937 г. – с инцидента на мосту Лугоу. В данном случае подразумевается именно всесторонняя война.

представители Чана уже согласовали взаимодействие с коммунистами. Чан был освобожден. Финальное наступление на Яньань так и не состоялось¹⁷.

На следующий год пришлось полномасштабное вторжение Японии, подорвавшее государство и вооруженные силы националистов, которые уступали в своих возможностях японцам. Лучшие вооруженные подразделения Гоминьдана были истреблены. Уже в первые недели националисты потеряли убитыми 187 тысяч [Taylor 2011: 150]. Специальные войска Чан Кайши были размещены в районе Шанхая и столице националистов – Нанкине. В течение трех месяцев при обороне Шанхая погибло 300 тысяч человек, еще 100 тысяч – при обороне Нанкина. К концу 1937 г. общие потери составили от 370 до 450 тысяч – от трети до половины лучших вооруженных подразделений националистов [Ch'i 1982: 42–43; Mitter 2013: 98–108; Yang 2011b]¹⁸. Японцы по причине упорного сопротивления Гоминьдана несли неожиданно огромные потери. Их ответом стали печально известные расправы над гражданским населением, когда они достигли Нанкина [Mitter 2013: 124–144].

Националисты продолжали свое ожесточенное сопротивление, отступая в Чунцин – столицу военного времени. К концу сентября 1939 г. полмиллиона японских солдат погибли или получили серьезные ранения в ходе боевых действий против Гоминьдана, подорвав уверенность японцев в возможности молниеносной войны. Националисты затянули заведомо превосходящие японские вооруженные силы в трясину войны сопротивления. Зимой 1939 г. Чан Кайши объявил генеральное наступление в восьми зонах боевых действий. В период с проигрыша сражения при Ухане в октябре 1938 г. по 7 декабря 1941 г. вооруженные силы Гоминьдана потеряли еще 1,3 миллиона человек [Taylor 2011: 168–169; MacKinnon 2011].

Изначально силы коммунистов были недостаточными для противостояния Японии. Дело обороны Китая оказалось целиком в руках националистов, которые приняли на себя основной удар японцев. Армия коммунистов во время ее вступления в войну насчитывала всего лишь 30 тысяч человек. В сентябре 1937 г. эти силы были реорганизованы в 8-ю Маршевую армию. Вскоре на основе оставшихся после эвакуации в 1934 г. из Советского района Цзянси-Фуцзянь войск была учреждена и Новая 4-я армия, которой предстояло действовать в Центральном Китае [Van Slyke 1986: 613; Benton 1999; Pantsov, Levine 2012: 290].

Мао остро ощущал стратегическую уязвимость своей партии и поэтому призывал к партизанской войне, уклонению от прямой конфронтации с основными силами Японии, а также сохранению и расширению военных ресурсов КПК [Van Slyke 1986: 613–614]. С 1937 по 1939 г. – в первые два года войны – армия Японии держалась поближе к железнодорожным путям и станциям, оставив сельскую местность фактически без контроля. Когда японцы обратили свое внимание на необходимость укрепиться на большей территории, КПК уже развернулась в сельских районах за пределами японских позиций [Ibid.: 631]. К этому моменту отдельные командиры вооруженных сил Мао, указывая на незначительный эффект от партизанских операций, призывали к маневренной войне против Японии, а также к более тесному сотрудничеству с силами Гоминьдана, дабы нанести более мощный удар по японским вооруженным силам. Такие рекомендации нашли поддержку у ряда партийных лидеров¹⁹. Однако Мао продолжал настаивать на предотвращении конфронтации на поле боя и приказал расформировать 8-ю Маршевую и Новую 4-ю армии на небольшие подразделения, которым было поручено заниматься рекрутированием, политической работой и строительными работами в опорных пунктах. Эта стратегия в своей сути предполагала редкие столкновения с японскими войсками, да и столкновения эти оказывались незначительными по масштабам, сводясь к нападениям

---

¹⁷ Эти события известны как Сианьский инцидент [Ch'en 1986: 226–229].

¹⁸ [Harmsen 2013] – целая книга, посвященная драматическим событиям безнадежной обороны Шанхая силами Гоминьдана в 1937 г.

¹⁹ Среди сторонников более агрессивного военного сопротивления были Чжоу Эньлай, Ван Мин, Пэн Дэхуай и Чжу Дэ [Apter, Saich 1994: 58–59; Pantsov, Levine 2012: 313–314].

на японские патрули или марионеточные китайские силы безопасности из засады и рейдам за ресурсами и оружием. Организовывались убийства коллаборационистов, подрывались железнодорожные пути, на дорогах закладывались мины, срезались телеграфные столбы, выкрадывалась проволока [Van Slyke 1986: 672–673].

Единственным исключением стал 1940 г. Вдохновившись расширением контроля над сельской местностью, КПК приступила к своей единственной за всю войну последовательной наступательной операции. Мао приказал 104 вооруженным подразделениям совершать координированные атаки на железнодорожные пути, угольные шахты и иные объекты инфраструктуры, находившиеся в распоряжении японцев. 8-я Маршевая армия потеряла убитыми и ранеными 22 тысячи человек, в то время как потери с японской стороны составили, по различным подсчетам, от 3 до 4 тысяч человек. Японцы направили на поисково-карательные операции значительное подкрепление и вернули себе все утраченные территории, стирая с лица земли целые деревни, которые содействовали КПК, учиняя расправы над людьми и уничтожая скот, а также возводя блокгаузы и стратегические городки. Количество населения в находящихся под контролем коммунистов районах сократилось с 44 до 25 миллионов, а численность 8-й Маршевой армии упала с 400 до 300 тысяч человек. К 1942 г. 90 % бывших коммунистических опорных пунктов на Северо-Китайской равнине²⁰ либо оказались под контролем вражеских сил, либо активно оспаривались. Столкнувшись с ожесточенной реакцией со стороны японцев, Мао вернулся к прежней стратегии и больше не предпринимал масштабных наступательных действий против японских войск [Ibid.: 676–681]²¹.

В распределении бремени ведения боевых действий наметился поразительный дисбаланс. В январе 1940 г. Чжоу Эньлай направил Сталину доклад, в котором говорилось о складывавшихся благоприятно для коммунистов последствиях войны против Японии. Чжоу отмечал, что по состоянию на август 1939 г. свыше миллиона китайских солдат-националистов погибли или были ранены, притом что 8-я Маршевая армия и Новая 4-я армия потеряли лишь 30 тысяч и 1 тысячу человек соответственно. К середине войны на КПК приходилось всего 3 % общих военных потерь Китая [Taylor 2011: 168–169]. Вопреки умопомрачительным потерям, националисты постоянно восстанавливали свои вооруженные силы и настойчиво сопротивлялись Японии и в последующие годы. Последней значительной оборонной операцией для Гоминьдана оказалась защита Хэнань, Хунань и Гуанси в 1944 г.²² Японцы вели против националистов наступательную операцию «Ити-го»²³ [Ch'i 1982: 68–81; Van Slyke 1986: 705–709; Wang 2011]. Силы Гоминьдана потеряли здесь еще 146 тысяч человек. По словам одного специалиста, «Япония нанесла смертельный удар по националистской армии Китая, от которого у последней не было времени оправиться» [Ch'i 1982: 81]. К концу войны Национально-революционная армия находилась «в последней стадии истощения» [Eastman 1984: 156].

После победы коммунистов в 1949 г. и последовавших за этим десятилетий пышного самовосхваления членов КПК как героев сопротивления Японии роль националистов в войне игнорировалась и принижалась²⁴. По мнению одного из наиболее пронизательных критиков националистов, последние все же достигли значительных результатов на поле боя:

[Национально-революционная армия] на протяжении восьми лет продолжала вести войну против вражеских сил, которые заведомо превосходили ее по организации, подготовке и снаряжению... Полностью

²⁰ На русском также обозначается как Великая Китайская равнина.

²¹ См. также [Yang 2011a]. [Friedman et al. 1991: 44–51] описывают имевшее место в этот период движение сопротивления в одном из уездов в центральной части провинции Хэбэй.

²² Эти события известны как оборона Хэньяна.

²³ Буквально «Операция № 1».

²⁴ [van de Ven 2011] анализирует источники этих предубеждений.

лишив японцев ожидаемой быстрой и решающей победы, [националисты] активно противостояли им в Шанхае, в Нанкине и на равнинах Северного и Центрального Китая, неся страшные потери [и] вынуждая японскую армию завязнуть на обширных просторах Поднебесной [Eastman 1984: 130; Drea, van de Ven 2011].

За всю китайскую кампанию вооруженные силы Японии потеряли 483 708 убитыми и 1,9 миллиона ранеными, вооруженные силы Китая – 1,3 миллиона убитыми и 1,7 миллиона ранеными [Eastman 1984: 136].

Вклад коммунистов в военные действия был крайне скромным. Согласно докладу Коминтерна от декабря 1944 г., на поле боя погибло свыше миллиона солдат-националистов при потерях в 103 186 человек со стороны 8-й Маршевой армии и несколько тысяч человек со стороны Новой 4-й армии. На коммунистов пришлось лишь 10 % от общих потерь Китая среди военнослужащих [Taylor 2011: 297–298]. По мнению одного автора, знаменитая доктрина Мао о «народной войне» была одним из «главных мифов» этого периода: «Народная война практически не применялась в конфликте с японцами» [Lüthi 2008: 25–26].

Политические последствия японского вторжения

Интервенция Японии не только затронула военную сферу, но и ослабила сплоченность режима националистов. Основанное Чан Кайши государство никогда не представляло собой единую национальную организацию. Более того, не все армии Китайской Республики находились под централизованным контролем. После изгнания коммунистов в 1927 г. Чан свернул всеобщую мобилизацию и достиг ряда соглашений с региональными военачальниками, номинально присягнувшими на верность Нанкину, сохранив за собой существенную автономию [Wilbur 1983: 719–720]. В пору своего расцвета в 1935 г. Гоминьдан напрямую контролировал менее трети административных регионов страны. По большей части националисты управляли провинциями Центрального и Восточного Китая. Оставшиеся территории находились в руках разнообразных военных наместников или, в случае Маньчжурии, японцев [Ch'i 1982: 23]. Та же ситуация сложилась и в вооруженных силах. Чан Кайши контролировал напрямую лишь 31 из 176 армейских подразделений [Ibid.: 37]. Когда в 1937 г. японцы начали наступление на прибрежные районы Китая и продвижение во внутренние районы страны вдоль реки Янцзы, националисты оказались выброшены за пределы своих родных территорий. Основную часть удара приняли на себя лучшие армейские подразделения Чан Кайши [Ibid.: 40–82].

Зависимость Чана от армии в деле объединения националистического режима сделала последний, по словам одного аналитика, «милитаристическим режимом с крайне узкой базой, имитировавшей партийное руководство» [Ibid.: 3]. Вооруженные силы выступали фундаментом, на котором стояла Китайская Республика. Гоминьдан и правительство в Нанкине так и не сформировали прочную социальную базу или мощные институты. Ослабление армии за время войны против Японии пошатнуло правительство и, после японской капитуляции, оказалось фатальным для будущего режима [Eastman 1984: 130]. Японское вторжение лишило Чана контроля над военачальниками-союзниками. Ситуация с управлением в номинально принадлежавших националистам районах быстро ухудшилась, что ограничило возможности центрального правительства собирать налоги и призывать солдат на службу. Гоминьдан был лишь одной из нескольких противоборствующих сил. Сама по себе партия отличалась небольшой степенью интегрированности и состояла из множества фракций [Kirby 1984: 157–158]. Всю эту структуру объединяла фигура Чан Кайши, в основном благодаря личной преданности ему высокопоставленных военных и партийных лидеров. Сама же организация атрофировалась: «Во времена войны партийная работа на массовом уровне не велась, а те партийные организа-

ции, которые существовали, контролировались и эксплуатировались местными лидерами для достижения собственных корыстных целей» [Ch'i 1982: 235].

Чан Кайши осознавал организационную слабость своего режима и уважал коммунистов за слаженность и единство. В 1939 г. Лю Шаоци определил кодекс КПК относительно дисциплинированности и послушания следующим образом:

Каждый член партии должен полностью идентифицировать свои личные интересы с интересами партии как в мыслях, так и в действиях. Он должен без колебаний и сомнений следовать интересам партии и жертвовать своими личными интересами во всех случаях, когда возникают сомнения. [Следует проявлять] непоколебимую решимость жертвовать собственными интересами даже ценой собственной жизни во имя партии, пролетариата и освобождения народа [Liu 1939: 136–137].

В 1938 г. Чан Кайши записал в своем дневнике: «Коммунистические партии во всех уголках мира издавна работают в подполье, поэтому они обладают четко организованной структурой и железной дисциплиной, которых не хватает иным партиям». Чан сожалел по поводу состояния собственной партии, которую он характеризовал как «особый класс, который своей борьбой за власть и корыстными интересами отталкивает народные массы» [Taylor 2011: 157]. После ухода с поста президента Китайской Республики в январе 1949 г. до отъезда на Тайвань Чан писал о своем неминуемом поражении:

Основная причина, которую отрицать невозможно, заключается в параличе партии: членство, организационная структура, методы руководства – все создавало проблемы.

Таким образом, партия превратилась в лишенную жизни оболочку. Присутствие духа утратили и правительство, и армия. В результате вооруженные силы развалились, а общество разложилось [Eastman 1984: 207–208].

Извлеченные из этого уроки не были брошены на ветер. Как только Чан прибыл на Тайвань, он начал формировать гораздо более централизованную диктатуру, настаивая на жесточайшей дисциплине и последовательности, которых его режиму в континентальном Китае всегда не хватало [Dickson 1993; Eastman 1981; Taylor 2011: 191–196, 212–217].

Почему Чан, давно осознававший отсутствие единства и дисциплины собственных сил, не мог разрешить эту проблему? Ответ на поставленный вопрос заключается в политической географии в сочетании с социальным составом Гоминьдана. После 1927 г. националисты разместились в крупных регионах Китая, концентрируясь в городах и поселках. Большинство членов Гоминьдана состояли на гражданской службе или занимались бизнесом, многие из них были профессионалами в определенных сферах, некоторые являлись состоятельными людьми. Они уделяли партийной деятельности лишь малую долю своего внимания, которое в любой момент могло быть переключено на семейные и профессиональные интересы. Поскольку националисты базировались в регионах, богатых ресурсами, они имели возможность извлекать необходимые доходы без формирования связей с сообществами на местах. Партийные и правительственные посты зачастую оказывались инструментами для личного обогащения. Националисты продолжали править внутренними сельскими районами в стиле, напоминавшем менеджмент императорских династий прошлого, в частности, позволяя видным местным деятелям брать на себя правительственные функции и собирать налоги при достаточно высокой степени автономии.

Источники дисциплины в КПК

Коммунисты существовали в полностью других обстоятельствах. После 1927 г. они были вытеснены в изолированные сельские районы. Постепенно отстраивая партийные организации в этих не имевших значительных ресурсов районах, члены КПК были вынуждены формировать близкие связи с местным населением, которое выступало им опорой. Партийные члены и кадры не были встроены в городское общество, и у них не было профессий, собственности или деловых интересов, которые могли бы отвлекать их от работы на движение. Партийная работа в силу обстоятельств составляла всю их жизнь. Даже если бы кто-то хотел покинуть КПК, то у такого человека было бы не так много альтернатив партии. Коммунистам, отброшенным в сторону сначала враждебно настроенными националистами, а потом и японскими войсками, было сложно как выйти из движения, так и избежать тюремного заключения, пыток или смертной казни. Вся жизнь коммунистических кадров зависела от партийной организации.

Особенности политической географии дали коммунистам особые преимущества, однако воспользоваться ими они смогли благодаря несокрушимому стремлению к введению дисциплины и единства. Достижение этой цели граничило с одержимостью. Партия предъявляла жесткие дисциплинарные требования к членам и обеспечивала исполнение этих требований иногда невероятно суровыми методами. В первые годы существования партии проводились зверские партийные чистки. Первая крупная чистка, прошедшая с 1930 по 1932 г., представляла собой кампанию подавления контрреволюционных настроений в партизанских отрядах, действовавших на базе Советского района Цзянси-Фуцзянь [Averill 1995: 96–99; 2006, 389–391; Guillermaz 1972: 216–217]. Мао был уверен, что сопротивление со стороны командиров на местах было связано с подпольным заговором. Он отреагировал на противостояние волной пыток и массовых казней. Партийные инквизиторы вторгались в охваченные протестами районы и выискивали подозреваемых [Averill 2006: 390; Pantsov, Levine 2012: 239–245]. Чистка, произошедшая в другом опорном пункте в это же время, описывается, как «доходившая почти до истерии охота на ведьм, яростная попытка местных кадров спастись ценой неуклонного расширения списков контрреволюционеров, которых они выявляли среди своих коллег» [Rowe 2007: 310–316]. Официальная партийная хроника оценивает количество жертв этого инцидента в 2500 человек, однако независимые историки полагают, что реальные цифры потерь – ближе к 10 000 [Ibid.: 313–315; Benton 1992: 313–314]. Аналогичные чистки происходили с 1934 по 1937 г. и на других опорных базах. Дело было поставлено на поток: под пытками у людей выбивали признательные показания. Сотни людей отправлялись на расстрел без суда и следствия [Benton 1992: 239–240, 264, 282–283, 316–317, 337–339]²⁵.

Такие террористические и деструктивные подходы к поддержанию внутренней дисциплины корректировались, совершенствовались и увеличивались в масштабе по мере роста партии на фоне войны против японцев, хотя обвинения в заговорах и выбивание признаний под психологическими и физическими пытками периодически продолжались. Эти подходы разрабатывались в Яньане и достигли своего пика в ходе кампании чисток «за упорядочение стиля работы партии» 1942–1944 гг., которая стала частью развернутой кампании по сталинизации КПК. Теоретической основой этой кампании стала переводная версия «Краткого курса истории ВКП(б)», который был составлен и опубликован в 1938 г. по указаниям Сталина²⁶.

---

²⁵ [Apter, Saich 1994: 49–54] описывают эти зачистки как конфликты между местными партизанскими формированиями и центральным партийным командованием. См. также [Saich 1996: 530–550].

²⁶ Этот текст был «первым важным документом», рассмотренным старшими кадрами во время кампании [Apter, Saich 1994: 275, 277].

Сталинизация КПК началась после прибытия в октябре 1937 г. в Яньань партийных лидеров, которые провели несколько лет в Москве. Один из вернувшихся функционеров, Ван Мин, намеревался составить конкуренцию Мао в борьбе за партийное лидерство [Teiwes, Sun 1995: 341–342; Van Slyke 1986: 616]. Ван Мин провел большую часть своей взрослой жизни в СССР и пользовался определенным доверием у Сталина. Ван был образован, красноречив и разбирался в теории марксизма гораздо лучше, чем Мао, который никогда не покидал пределы Китая и авторитет которого базировался в основном на его способностях стратега партизанской войны и практичного политика. Позиционируя себя как истинного последователя Сталина, Ван предпринял безуспешную попытку покушения на статус Мао. Вскоре по прибытии в Яньань он известил Мао о распоряжении, что тому надлежало «укрепить себя “идеологически” в связи с его ограниченным эмпиризмом и “незнанием основ марксизма-ленинизма”» [Benton 1975: 341–342] (см. также [Apter, Saich 1994: 54–59]). Мао отреагировал на это послание, отшлифовал свои познания по теории марксизма. Тем самым он укрепил контроль над партийной организацией и повысил свой статус, став лидером, политическая линия которого была вдохновлена курсом Сталина [Lüthi 2008: 26–29; Pantsov, Levine 2012: 317–318; Teiwes, Sun 1995]. Нарождающийся «культ личности» Мао частично был призван составить конкуренцию аналогичному явлению вокруг личности Чан Кайши, бывшего символом военного сопротивления Китая и признававшегося в качестве лидера этой страны на международном уровне, даже в СССР [Leese 2011: 8–12].

В указанной смене политического имиджа Мао помогали секретари партии по политическим вопросам, в особенности Чэнь Бода, который в середине 1920-х гг. прошел обучение в контролируемом коммунистами Шанхайском рабочем университете, а позже в Университете имени Сунь Ятсена в Москве [Wylie 1980: 10–12]. Чэнь рекомендовал Мао литературу для чтения, разъяснял ему основополагающие вопросы и редактировал его черновики. Отправным пунктом повышения квалификации вождя стали переведенные на китайский два советских учебника и статья из «Большой советской энциклопедии». Наибольшее влияние на Мао, вне всяких сомнений, оказал «Краткий курс истории ВКП(б)», также переведенный на китайский в 1939 г. [Commission of the Central Committee of the CPSU 1939; Li 2006b: 91–101]. Эта книга сформировала представления Мао о марксизме-ленинизме и деле строительства социализма, которые он пронес с собой на протяжении всей оставшейся жизни, заметив как-то, что он так и не прочел всю книгу целиком, а сфокусировался на заключительных параграфах каждой главы. Несмотря на достаточно поверхностное знакомство с материалом, Мао слепо принял извлеченные из него уроки в качестве догмы [Li 2006b: 101–102].

«Краткий курс истории ВКП(б)» представляет собой схематическую хронику истории развития и конечного триумфа партии большевиков в России. Кульминацией книги является описание исторического вклада Сталина в формирование социалистической экономики в СССР. Мао использует этот сюжет в дальнейшем в качестве плана действий для Китая в 1950-х гг. Однако именно на текущем этапе наибольшее влияние на лидера оказало живописание борьбы Сталина с конкурентами за партийное лидерство. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» политические разногласия изображались как внутривнутрипартийное противостояние, в котором были «правильная» и «неправильная» линии, отражающие соответствующим образом классовую борьбу между революционными и реакционными силами. Центральный постулат книги заключался в мысли о том, что классовая борьба продолжается и после установления социализма, поскольку капиталистический класс всегда наводняет партию своими представителями, которых следует выявлять и уничтожать [Tucker 1977; Walder 1991]. Таким образом, разночтения по политической линии с оппонентами вроде Бухарина и Троцкого оформлялись как противодействие представителям капиталистического класса, которые возглавляли внутривнутрипартийный заговор против социализма. При такой версии событий Сталин предстал в наиболее благоприятном свете и в качестве непогрешимого руководителя, который неизменно

следовал «правильной» линии. Мао последовал этому примеру, закрепляя свою власть посредством насаждения культа личности и требуя подчинения своему новому, разработанному совместно с Чэнь Бода политическому курсу: так называемым идеям Мао Цзэдуна, или идеологии маоизма [Li 2010; Pantsov, Levine 2012: 335; Wylie 1980].

Первая сталинистская чистка кадров КПК

Описанный выше процесс завершила кампания 1942–1944 гг. «за упорядочение стиля работы партии» [Teiwes 1976: 20–32]. Яньань – столица опорного пункта КПК во времена войны – притягивал к себе патриотически настроенную молодежь, рабочих и представителей интеллигенции, которые вынужденно покидали свои места под давлением японской интервенции и присоединялись к сопротивлению захватчикам. Среди этих людей было много городских жителей с условно левыми взглядами. Большинство из них никогда прежде не состояли в партии и придерживались идей либерализма, воспринимая демократию в идеалистическом ключе²⁷. Некоторые из этих людей противились более жестким формам партийной дисциплины и испытывали отвращение к догматизму и иерархичности зарождающейся партийной бюрократии. Партийное же руководство было всегда обеспокоено мыслью о возможном засилье в Яньане на фоне миграционных потоков, которые спровоцировало вторжение Японии, агентов Гоминьдана.

В начале февраля 1942 г. Мао выступил с двумя речами, которые положили начало партийным чисткам. Он раскритиковал «три ошибочных течения» внутри партии: субъективизм, фракционализм и формализм. Всеми тремя ярлыками предполагалось снабдить людей, недавно приехавших в Яньань и не имевших опыта участия в революционной деятельности, а также, что более важно, партийных функционеров, которые недавно вернулись из Москвы, в частности, оппонента Мао – Ван Мина. Со слов Мао, худшей формой субъективизма выступал «догматизм» – притязания на власть исходя из изучения исключительно хрестоматийных трудов марксистов при непонимании особых политических условий Китая. «Фракционализм» представлялся как поползновения поставить свои личные интересы над интересами партии и, соответственно, как попытка поставить под сомнение более высокие цели движения в целом. КПК нуждалась в «демократизации», но еще больше ей требовался централизм – подчинение собственных интересов интересам партии, которые формулировались ее руководством. Мао заявил о принципиальном значении корректировки поведения каждого члена партии в прошлом для искоренения указанных проблем и предупреждения недостойного поведения в дальнейшем. Желая отделить текущую кампанию от кровопролитных чисток прошлого десятилетия (и, скорее всего, от недавних казней Сталиным партийных функционеров в СССР), Мао сравнивал свою инициативу с процессом излечения доктором пациента: цель – устранить симптомы и избавиться от заболевания [Apter, Saich 1994: 279–281].

Призыв Мао выступать с критикой был встречен непрощеной волной энтузиазма со стороны лиц, которые работали в школах кадровых работников и партийной газете в Яньане. Авторы эссе, публиковавшихся в этом издании и в «стенгазетах», интерпретировали «догматизм» как контроль литературы и искусства со стороны косных и плохо образованных партийных бюрократов. Критики выступали за отделение политики от литературы, а также за обеспечение большей свободы от диктата партийной пропаганды. Некоторые, в том числе известная писательница Дин Лин, осуждали КПК за ненадлежащее отношение к женщинам и отмечали доминирование мужчин и сексизм в Яньане. Наибольший резонанс вызвали неумолимо критические эссе Ван Шивэя, работавшего при партийном аппарате в качестве переводчика. Ван выступил с заявлением, что официальная партийная литература имеет низкое качество, и при-

---

²⁷ На тот момент 90 % из 800 тысяч членов партии присоединились к движению недавно [Apter, Saich 1994: 267].

звал к повышению художественных стандартов. Он подчеркивал, что многие высокопоставленные кадры в Яньане вели себя в отношении своих молодых и идеалистичных товарищей нечутко и деспотично, отталкивая молодежь от КПК. Эссеист также указывал на возникновение привилегий, связанных с должностными рангами специалистов, а также стратифицированной системой нормирования еды, одежды и жилья. Он также критиковал женатых кадровых революционеров, ухаживающих в погоне за сексуальными утехами за красивыми молодыми женщинами и игнорирующих утративших свою пленительность жен более солидного возраста, которые многие годы поддерживали их как товарищи в революционной борьбе. Сообщается, что последнее обвинение особенно сильно задело Мао, недавно бросившего свою жену из Советского района Цзянси-Фуцзянь и начавшего ухаживать за шанхайской актрисой, которая позже станет известна как Цзян Цин²⁸. Ван порицал лидеров партии за привычку устраивать по выходным вечеринки, в то время как военные вели ожесточенные бои на фронте. Он отмечал лицемерие этих кадров, отстаивавших свои привилегии, и то бешенство, которое в них вызывали любые подобные разоблачения [Apter, Saich 1994: 59–64; Cheek 1984: 30–37; Goldman 1967: 19–32; Dai 1994: 3–30].

Эссе нашли отзыв среди множества образованных людей, работавших в центральных партийных органах, однако критики поставили под угрозу реальные цели кампании «за упорядочение стиля работы партии». Мао хотел укрепить внутривнутрипартийную дисциплину и консолидировать свои личные полномочия. Претензии лиц, независимых по отношению к абсолютной власти, к которой он стремился, были недопустимы. В особенности это касалось замечаний о злоупотреблениях, связанных лично с Мао. Кампания быстро переродилась в осуждение критиков и их сторонников и борьбу с ними. Несмотря на то что некоторые обвинители смиренно подписывали признания своей вины с обещаниями пересмотреть собственные мысли, Ван Шивэй отказался признать свою позицию ошибочной и вступил в полемику со своими оппонентами. После широко освещавшегося показательного процесса Ван, признанный руководителем «антипартийной группы в составе пяти человек» и заклеенный как троцкист и предатель, был подвергнут вместе с другими членами группы заключению. Он оставался в тюрьме вплоть до своей казни в 1947 г.²⁹

Заткнув рты критикам, Мао обратил кампанию против всей партийной иерархии, все больше концентрируясь на выискивании предателей и шпионов в рядах КПК. Ответственность за «упорядочение стиля» была возложена на Кан Шэна, который в 1937 г. вернулся из Москвы вместе с Ван Мином. Кан, поддержавший Мао в его соперничестве с Ваном, возглавил в 1939 г. службы контрразведки и внутривнутрипартийной безопасности КПК [MacFarquhar 1997: 290–292]. В 1941 г. он стал председателем комитета, ответственного за «подбор кадров». Контратака против представителей интеллигенции – предположительных предателей и троцкистов – превратилась в тотальный поиск вражеских агентов во всех структурах КПК. Основные усилия концентрировались на выявлении «отклонений в мыслях» [Apter, Saich 1994: 289–292; Teiwes, Sun 1995: 370–375].

Кампания по зачистке партии от предполагаемых предателей и шпионов началась с разбора личных дел кадровых работников и членов партии. Следователи выискивали людей с подозрительными связями или происхождением, в частности, перешедших на сторону коммунистов бывших членов националистических молодежных организаций и партийных функционеров, которые работали в подполье на вражеской территории (в особенности если в их биографии обнаруживались аресты с последующим освобождением). На первых этапах кам-

²⁸ Четвертая и последняя жена Мао. Цзян Цин – один из ряда псевдонимов, под которыми в течение жизни была известна Ли Шумэн (имя при рождении).

²⁹ Кампания против критиков и отношение к ним описаны у [Cheek 1984: 37–44; Goldman 1967: 32–50; Dai 1994: 31–75]. Переводы эссе Ван Шивэя и мыслителей, разделявших схожие взгляды, можно найти у [Benton, Hunter 1995: 69–83; Dai 1994]. Здесь же представлены переводы обвинений в адрес Вана.

пани от людей требовали «вверить свои сердца партии», сообщить о своем искреннем обращении в коммунистов и рассказать, как они пришли к отречению от своих прежних политических взглядов. Естественно, к тому моменту многие пытались скрыть некоторые факты своих биографий и не упоминать свои неподходящие связи и занятия. Обнаружение того, что некоторые лица оказались неоткровенными в отношении своих классовых корней и предыдущих связей, вызвало у лиц, ответственных за внутрипартийную безопасность, подозрения. Люди, продемонстрировавшие слишком большую независимость суждений, ставя под вопрос авторитет своего начальства или выражая сомнения по поводу разумности партийной политики, становились главными кандидатами для дальнейших расследований.

По мере развертывания кампании «за упорядочение стиля работы партии» для получения признаний все чаще использовались методы долгих и психологически мучительных допросов, а также физическое насилие. В отношении предполагаемых подпольных шпионских организаций было заведено значительное количество подложных дел. Процесс получения показаний при таких обстоятельствах быстро вышел из-под контроля. Принимая в качестве доказательств выбитые признания, партийные инквизиторы требовали от допрашиваемых имена других вовлеченных в заговоры людей. Подписавшиеся во избежание дальнейших мучений под ложными обвинениями нередко сталкивались с ситуацией, что это было только начало: от них требовали назвать новые имена. Полученные имена становились основанием для повторения всех тех же операций с новыми подозреваемыми. Партийные инквизиторы умудрились сфабриковать доказательства существования внутри партии поразительно огромного сообщества подпольных заговорщиков [Seybolt 1986: 57–65].

Кампания «за упорядочение стиля» наводила ужас среди членов партии и вызывала недовольство высших руководителей, подчиненные которых попадали в жернова карательной системы. В частности, имя Чжоу Эньлая было косвенно упомянуто в обвинительных материалах Кана, в которых говорилось о существовании заговора под управлением Чжоу среди подпольных организаций. Последний отверг обвинения. Дальнейшее следствие вскрыло частое использование пыток для получения ложных показаний. Осознавая, сколь непопулярной стала кампания, в октябре 1943 г. Мао пошел на попятную. Перед лицом раскола и ослабления КПК он призвал к прекращению массовых казней и физических пыток [Teiwes, Sun 1995: 364–365, 370–375].

В докладе от марта 1944 г. Кан Шэн, признавая имевшие место злоупотребления, заявлял о большом успехе кампании «за упорядочение стиля» в «повышении сознательности масс» и «выявлении подрывных элементов». Он указывал на отдельные достойные сожаления огрехи, в особенности давнюю проблему «применения пыток, выбивания признаний в качестве доказательной базы». Кан связывал повторное возникновение такой практики с «неопытностью» и охарактеризовал ее как печальную, но неизбежную проблему массовых движений, в которых «грубые подходы» приводили к «упрощенным стандартам». Кан сожалел, что отдельные товарищи интерпретировали партийную политику по обеспечению смягчения методов следствия как не что иное, как попытку избежать массовых казней: «Исходя из этого, такие наказания, как побои, насилие и произвольные обвинения в шпионской деятельности, воспринимаются как нечто безвредное». Допущение ложных обвинений и признаний, полученных ценой пыток, «является ошибочной мыслью, которая все еще продолжает считаться допустимой среди партийных кадров» [Seybolt 1986: 66]. Кан поясняет, что лишь менее 10 % сознавшихся под давлением в действительности являлись вражескими агентами [Ibid.: 67].

Вину за кампанию свалили на Кан Шэна, вопреки тому, что за всей затеей стоял лично Мао. Кан утратил влияние и вплоть до начала 1960-х гг. довольствовался незначительными партийными постами [Teiwes, Sun 1995: 373–375; Walder 2009: 15–16]. На официальном уровне по поводу злоупотреблений в рамках чисток выражалось сожаление, однако ошибочным было признано лишь применение для получения признательных показаний физических

пытков. Общие цели кампании не ставились под сомнение, как и то чувство страха оказаться подозреваемым в предательстве, которое она вызвала среди партийных кадров и рядовых граждан. По сути, кампания превратила любое несогласие с политикой партии в измену. По словам одного исследователя, «ужас перед перспективой оказаться участником предательских действий стал неким дамокловым мечом, позволявшим поддерживать уровень тревоги, который способствовал подчинению политике коммунистов» [Seybolt 1986: 40]. Достигнутый в результате кампании уровень дисциплины и послушания стал важной составляющей успеха КПК. В последующие годы неготовность подчиняться партии всегда получала жесткий отпор.

Работая на базе, отдаленной и изолированной от главных театров военных действий против Японии, Мао и его коллеги превратили КПК и коммунистические войска в дисциплинированную боевую силу. В партии была установлена жесточайшая дисциплина, действовали повышенные требования к подчинению. Достигнуть намеченных результатов тем не менее удалось ценой грубых злоупотреблений. В тот же период вооруженные силы националистов вступили в столкновение с японцами в ходе заключительного наступления агрессоров. Партия Гоминьдан практически не функционировала на местах. Силой принуждения Мао трансформировал КПК в подчиняющуюся лично ему единую и дисциплинированную иерархическую систему. Именно этой организации было суждено вскоре вступить в борьбу с фрагментированным и развалившимся на фракции режимом националистов, который бросился возвращать себе контроль за территориями, освобождаемыми отступающими японскими военными.

Гражданская война

Гражданская война стала решающим этапом в противостоянии организаций, возглавляемых Мао Цзедуном и Чан Кайши. Хотя победа в конечном счете оказалась на стороне Мао, в действительности исход конфликта никоим образом не был предопределен. На момент разворачивания в июне 1946 г. полномасштабной гражданской войны вооруженные силы националистов составляли 4,3 миллиона человек, коммунистов – лишь 1,2 миллиона человек. Гоминьдан также располагал более совершенными боевыми средствами [Pantsov, Levine 2012: 348]. На первых порах гражданская война разворачивалась не в пользу коммунистов. Еще в 1947 г. Сталин и многие соратники Мао призывали его к вступлению в переговоры. Однако сам Мао выражал уверенность в возможности победы. Рассчитывая сокрушить лучшие подразделения коммунистов в Маньчжурии, Чан Кайши пошел ва-банк. Авантюра провалилась. Развал националистических вооруженных сил подорвал основы Китайской республики, обнажив изъяны, накопившиеся за годы войны. Коммунисты отказались от партизанских методов и инициировали для ведения конвенциональных военных действий всеобщую мобилизацию. Учитывая крах, который Гоминьдан потерпел в последние годы гражданской войны, историки задавались вопросом, не является ли итог конфликта скорее свидетельством слабости националистов, чем силы коммунистов. Могло ли противостояние завершиться иначе, если бы в переломных моментах гражданской войны лидеры обеих сторон приняли другие решения?

Вскоре после капитуляции Японии коммунистические вооруженные силы объединились в переименованную «Народно-освободительную армию Китая» (НОАК). Основные подразделения нового формирования под командованием генерала Линь Бяо в конце 1945 г. переместились в Маньчжурию для пополнения запасов у советских войск, которые занимали регион на тот момент. Применяя тактики, изученные за годы пребывания в СССР, Линь превратил вверенные ему подразделения в мощные боевые единицы и продемонстрировал себя мастером ведения позиционной войны, особенно с точки зрения скорости передвижений, внезапности боевых действий и силы контратаки. Моделью для противостояния Линя националистам стали советские операции против нацистов на территории Восточной Европы в конце Второй мировой войны. Линь заявлял, что должная подготовка и достаточное обеспечение япон-

скими вооружениями (а позднее американскими боевыми средствами, захваченными у националистов) позволяют выиграть в войне подобного типа [Westad 2003: 122–123]. Убежденность командира укрепила Мао в решимости добиваться победы.

К 1946 г. армии Гоминьдана были фрагментированы, они все еще восстанавливали силы после сокрушительных столкновений с превосходившим их японским противником. Некоторые из переживших войну с Японией националистических подразделений были хорошо подготовлены и оснащены, став лучшими вооруженными силами за всю историю Китая, другие оказались плохо дисциплинированными и отсталыми формированиями, грабившими мирное население. Отдельные командиры были глубоко преданы Чан Кайши, в котором они видели спасителя нации, некоторые были все еще лояльны смещенным милитаристам, занимающим теперь ответственные посты в правительстве Гоминьдана. Основой власти для переживавшего раскол националистического режима выступало командование вооруженными силами, однако многие региональные военачальники, надеясь, что удар примут на себя их конкуренты, не спешили вступать в бой [Ibid.: 148].

Националисты также столкнулись с проблемой утверждения собственного авторитета после капитуляции Японии. Гоминьдан спешил взять под свой контроль города на территориях, продолжительное время оставшихся под японским контролем, оттесняя тех представителей элит, которые пережили вторжение или сотрудничали с оккупантами. Официальные лица Гоминьдана часто вели себя так, будто бы получаемые ими привилегии принадлежат им по праву, и обогащались за счет населения [Pepper 1999: 7–41; Westad 2003: 69]. Националисты не имели мощных структур в сельской местности. Попытки Гоминьдана собирать налоги во времена гражданской войны подвергали дополнительным невзгодам крестьян, которые и без того были в крайне затруднительном положении на фоне голода и лишений военного времени. Националисты применяли жесткие меры принуждения к прохождению военной службы, в том числе в форме часто проводившихся внезапных ночных рейдов, которые вызывали у рядовых граждан глубокое негодование. Положение усугублялось коррупцией, поскольку обеспеченные семьи могли дать взятку за освобождение от призыва [Eastman 1984: 80–81]. В 1948 г. лишь 21 % правительственных расходов покрывался налоговыми поступлениями, еще 68 % закрыли за счет новой денежной эмиссии, что спровоцировало на поздних этапах гражданской войны гиперинфляцию. Все эти мучительные испытания негативно сказывались на настроениях в обществе [Ibid.: 86–87; Pepper 1999: 118–131].

Чан Кайши осознавал описанные структурные недостатки и не был уверен в том, что он будет способен одержать победу в затяжном конфликте. Чан ощущал необходимость уничтожить количественно и качественно превосходящие его армию силы НОАК и даже не рассматривал в качестве возможных перспектив переговоры или создание коалиционного правительства. Ближе к концу 1946 г. по фронту от Яньаня до тихоокеанского побережья началось общее наступление. Чан продвинул свои силы глубоко внутрь Маньчжурии. В первые месяцы кампании коммунисты несли одно поражение за другим. В марте 1947 г. вооруженные силы Гоминьдана захватили Яньань [Pantsov, Levine 2012: 348]. Чан надеялся на захват всего руководства КПК и ликвидацию военного командования коммунистов, однако засланный в штаб националистов шпион за две недели предупредил коммунистов о наступлении, обеспечив им возможность безопасной эвакуации [Westad 2003: 152].

Установив после выхода советских войск контроль над обширными районами Маньчжурии, коммунисты продолжали делать упор на сельской местности, наращивая и обостряя в деревнях революционное движение, аналогично тому, что они делали на территориях, контролировавшихся КПК изначально. Земельную реформу 1947–1948 гг. в Маньчжурии называли «безграничным революционным террором» [Levine 1987: 224–226]. Партийные кадры подвергали «собраниям критики и борьбы» землевладельцев, зажиточных крестьян, предполагаемых вражеских агентов и любых других людей, которые воспринимались как препятствие

на их пути. В ходе таких мероприятий жертв обязывали выслушивать выкрикиваемые в их адрес обвинения, стоя на коленях, носить нагрудные бирки и колпаки с оскорблениями и описанием вменяемых им преступлений, проходить допросы с применением физического насилия и пыток бессонницей. Собрании критики и борьбы представляли собой форму политического театра. Люди в местных сообществах со всей очевидностью осознавали, что их судьба зависит от готовности обвинять и порицать. Такие собрания зачастую заканчивались тяжелыми побоями, пытками и массовыми казнями, изначально поддерживаемыми КПК – до того момента, пока партия не решила, что чрезмерное насилие контрпродуктивно [Dikötter 2013: 64–74; Westad 2003: 134].

Сразу после ликвидации частной собственности на землю и перераспределения ее и иных активов землевладельцев с крестьян начали требовать осуществления поставок продовольствия и иных запасов. Сельское население также принуждали к труду. Складывающиеся в Маньчжурии отношения между КПК и сельским населением отличались от тех, которые устанавливались на старых опорных базах. Ранее земельная реформа проводилась более поступательно, часто без принуждения, и обычно не сопровождалась чрезмерным применением насилия и завершалась введением не столь обременительных для крестьян условий. [В Маньчжурии] мы сталкиваемся с новым явлением: военной мобилизацией для обеспечения огромной конвенциональной армии. Во времена войны с Японией КПК в основном избегала ведения конвенциональных боевых действий. Этот новый вид противостояния многочисленным армиям Гомиьндана требовал вовлечения больших человеческих ресурсов, вооружений, продовольствия, лошадей и транспортных средств. О возможности выбора речи не шло. Материальное снабжение на коммерческой основе не осуществлялось. Осуществлялась массированная мобилизация в интересах новой армии, которая нуждалась в продовольствии, обеспечении, обуви, одежде, оружии и топливе. Изъятые материальные средства потреблялись сотнями тысяч солдат и десятками тысяч персонала и местных активистов КПК [Levine 1987: 229]³⁰

---

³⁰ В [Thaxton 2008: 83–88] в описании деревни на севере Китая также подчеркивается трансформация, которую КПК пережила под влиянием мобилизации во времена гражданской войны, и возросшее принуждение сельского населения со стороны партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.